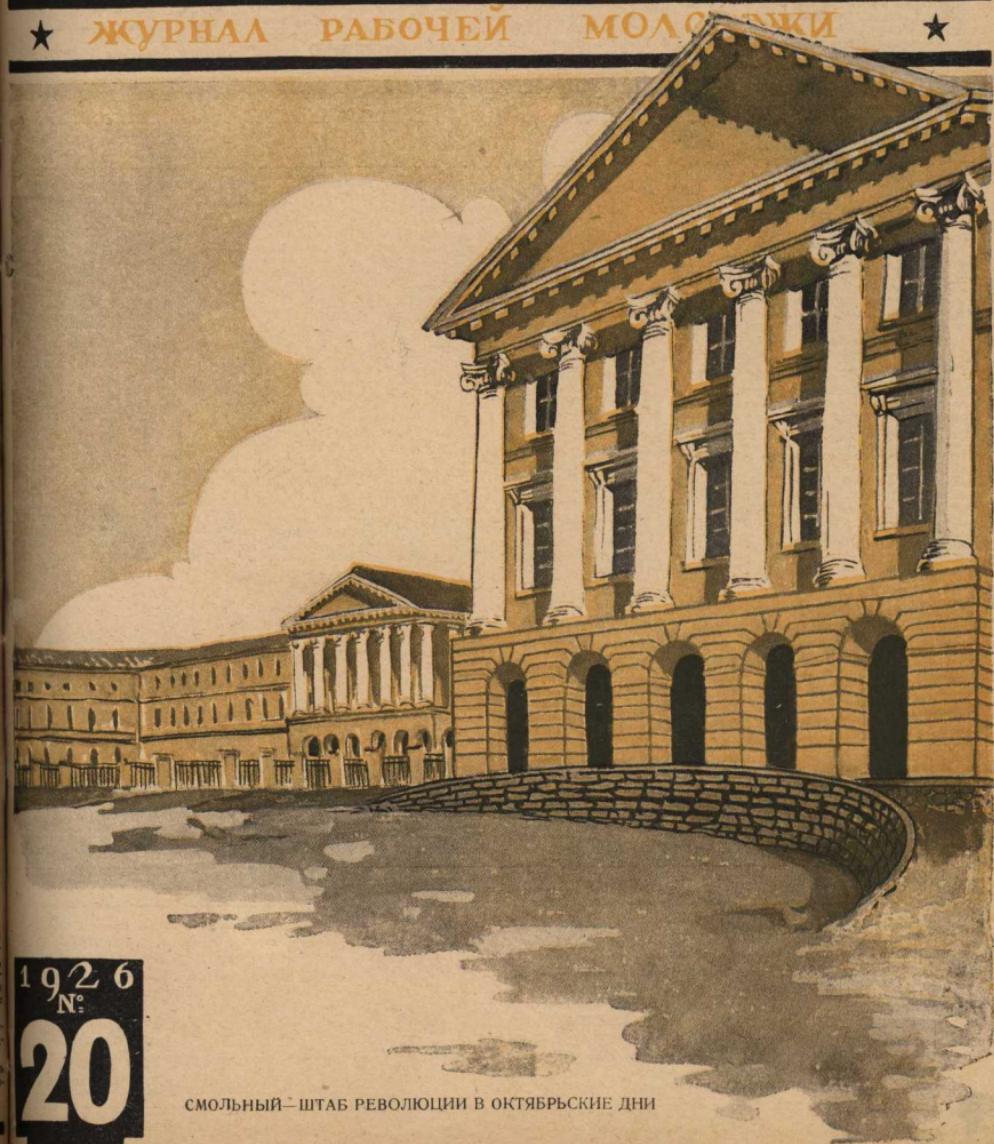

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ ★

1926
Nº:
20

СМОЛЬНЫЙ — ШТАБ РЕВОЛЮЦИИ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Ф. Жиженкову (Н.-Новгород). Ст. «Детство» показывает, что при известной работе вы можете смогли бы. Но надо сердце подойти к делу. Пока стихотворение не дозрело, сырое, для многих строчек не найден еще лучший вариант.

М. ШЕСТОПАЛОВУ (Одесса). В «Истории одного хулиганства» развеселенная заметка. Животинки ее психологию не показали. Не пойдет.

В. ЗАБЫТОМУ (г. Тернополь). Стихотворение отражает узко-личные бытовые переживания. Не пойдет.

П. СПЕРАСКОВУ (ст. Серпухов). В ваших стихах пока только рифмование, художественный подход к изображаемому еще не проявлено.

Н. УСОВУ (Армавир). Наблюдательность, умения передать слово внешние явления и внутренне переживания в языке стихии, чуткость к выражению мышления разного слабо. Стихи бледны, об окружении говорят обычным словарем, ритмически однобразны и вялы. Напечатать не сможем.

Н. БЫКОВУ (Новочеркасск). Ваши стихи передают лишь узко-личные ваши переживания. Художественно они неизысканы.

А. РАЗДОЛЬНОМУ (Баку). Рассказ сладковат, старик, растиавший при встрече с молодежью-фигура затасканная. Напечатать не сможем.

А. ЕФРЕМОВУ (Ленинград). Рассказ слаб, бледен. Критиковать его нет смысла, так как не в отдельных недостатках дело, а в вашем неумении вообще. Вам надо учиться.

А. КУРСКОВУ (Краснодар). Рассказ малохудожествен, разработан тенденциозно, изображение подменено пересказом. Для напечатания непригоден.

Е. КРУЧИНИНУ (Севск). Стихотворение очень плохо и даже комично.

Кс. ИМЕЙСКИЙ (Москва). «В яичек» — ни рассказ, ни очерк, ни статья. Так — случайная картина. Напечатано слабо и интересно. Не пойдет.

Е. РОДЗЕВИЧ (Москва). Стихотворение очень устарело по форме, рассудочно, художественных задатков в нем не чувствуется. Не пойдет.

Б. ДУБАХ (Москва). Стихотворение можно использовать в стенгазете. Работайте, для начала у вас все плохо.

Николаю скому (ст. Узловая). Заметка для «Смены» не подходит. Понаблюдайте, как читают «Смену», и сообщите, что больше интересует.

С. БОРОДИНУ (Харьков). «Сатира» — неудобно брековаш весть. Неужто вы думаете, такие вещи печаются?

К. АГИТОВОУ (Москва). В отношении ваших стихов можно сказать, что их можно было написать, и можно было не писать — никто ничего не потерял бы от этого-чего-либо нового они не дают. Если автор хочет успеха, он должен хотеть немного озабочиться, чтобы его произведения были нужны и интересны.

В. ЦЫКУНОВУ (Алматы). В стихотворении трудный тяжелый словарь, (заныпавшая оставка), «наметка левша», «подсундиста настора», «заблудившая каликса и пр.», часты нарушения ритма. Тема развита надуманно. Не пойдет.

Н. ГАРМАН (без обозн. адреса). Стихи слабы, не хватает устаревшей формы и легких синтаксических элементов. Такие вещи писать не стоит. Видно, что вы мало знакомы с более современной литературой.

С. ШАПОНИШКОВУ (Канаш). В стихотворении много срывов. Избегайте употреблять использованные образы: «бетер — зородий малышика», и строчки: «несет / нам запахи полей». В строке «И пахнет ржаное пулью» изменен ритм. Несудачно: «буketами цветов». Перефразируйте. Присыпайте еще.

Ш. КЕССЕЛЬМАНУ (Юргомир). Пишите в слабо. Рассказчик по-учителен и нехудожествен. Наблюдайте за жизнью окружающих вас товарищей и пишите деловые корреспонденции о вопросах, которые вас интересуют, об отношениях к «Смене» и пр.

Н. НАГОРНОМУ (Борисоглебск). В ваших стихах есть намек на то, что вы обладаете запасом своеобразных переживаний, что вы по своему образам мыслите, но все это не может найти выхода при вашей скучной еще технике. Советую попсерзней заняться и добиваться полной грамотности.

Б. ПАНКОВУ (Владимир). Основное положение в рассказе — момент встречи (брать насылает сестру), чрезмерно выпачкано, как единственная завязка рассказа. Поэтому рассказ теряет убедительность, — изобретением автором поэтического искусства, он никак не может рассказать, как такое задание. Сам факт заимствования, требует суждения краокс до антихудожественного мрака:

«Могильяя я тишина
на накрыла его. Только надгробияя трель соловья
лилась в темноте...». Наше время не требует сущеных страхов, наоборот, пожалуй, основное задание современной литературы — дать литературную воплощение самым жизненным, самым будто бы несложным сюжетам, за которыми скрыто глубокое своеобразие жизни.

В. ТАТАРИНОВУ (Харьков). Рассказ малоудивителен. Тему ставят неправильно. Почему именно — молодежь «интеллигентского толка»? Чистолобиная фантастика еда ли идеальна для современной учащейся молодежи?

Б. БЕЛЯЕВУ (Кострома). Тяжелый словарь, неудобные слова, какими вы даете в рассказе — в當時ную время неудобительны. Кажется-то массы, какой-то город, какая-то революция — все это настолько общее, что не затрагивает читателя. Может быть, вы начните писать про Андреева и неумело применили его символические образы, может быть, это неудачное переложение на языки прозы Верхарна, когда мы революцию видели и переживали в ее конкретности? Ваша отвле-

ченность шумливна и, в сущности, малодостоверна. Сравните свой рассказ хотя бы с рассказом Майльшикова «Падение Даира». Напечатать не можем.

А. ЦЕНТИНУ (Казань). Письмами стихи свидетельствуют о наличии у вас способностей к поэтической работе, — рифмование, развитие строф в общем легки и органичны. Но по техническим достоинствам стихи очень недоработаны. Есть оплощенность, в роде срифомах: «побродить — побредить». Темы, их развитие часто еще ограничиваются вашими личными переживаниями, но не дарствают до лирики в широком ее понимании. Работайте. Присыпайте еще.

В. ТРОФИМОВУ (Харьков). Поставленные вами вопросы вопросы решим. Постараемся дать ответы.

Б. С. ШУПУ (Саратов). «Ключик из жизни Маленького человека» показывает, что вы обладаете данными для литературной работы, но тема этого рассказа развита преувеличенно и мелодраматично (особенно конец: цветы, портрет, смерть). При самом волнующем сюжете еда ли стоит притирать трезвой взгляд и отдавать себя во власть истерических настроений. На это вам собственно следует обратить внимание.

Н. ДЕРОГОЛОВУ (ст. Бурхара). Не плохи отдельные образы, но в ваших стихах оставляют сладкое впечатление. Легкая описательная лирика. Малокровны они. Не пойдет.

Н. ГОРДЕНИНУ (г. Усмань). Технические стихи очень слабы в целом. Скучновато читать подобные описания разлуки с любимой. Следует заняться литературным самодобравлением.

Я. МОНАХОВУ (Севастополь). Не только очень слабо, но и странно, чудно. Что это за комсомолка Эма?

Ю. САМОЙЛОВУ (Киев). Действительно, вещь растянута и не выразительна. Образное изображение подменено в ней отвлеченными героями, а лица со страницы и краски говорят о ней. Пусть и хорошие мысли, но ничего не поделать — литературным прогрессивным называть их нельзя.

А. КУЛИКОВУ (Новочеркасск). Не пойдет. В рассказе слишком сухие нравоучительные высуждения, исключают их — остается голова места.

Л. КАРОЗУ (Одесса). Были интересны получить очерк болония в целом и отрывки о продаже, как составную часть ег. Можно быть, у вас есть фотографические иллюстрации? Удобный развернутый очерк — 20 тыс. знаков (1/2 листа).

НЕ ПОЙДЕТ

Ю. ХАНОВУ (Москва), Е. ОСТАРОУКОВУ (Москва), Ч. БИБЕЗУ (Прокопьевск), И. АВЕРБУХУ (Пасынков), С. АЛЕКСЕЕВУ (Ульяновск), И. ЖУРИСУ (Москва).

ПРИСЛАННОЕ СЛАБО

Е. ДОРОФЕЕВУ (Краснодар), Л. РОМАН (ст. Зерново), И. БАСОМУ (Харьков), И. ФРЕЙЗИЙНУ (Невель),

ОТВЕЧЕНО ПИСЬМАМИ

М. ПОЛКОЛЗИНУ (Балаклава), М. НИКОНОВУ (Поти), И. ЕРШОВУ (Краснодар), Н. КОНДРАТЬЕВУ (Иркутск), А. ДОРОШЕНКО (Кемеров), В. АВДЕЕВУ (Почт. отд. Ангарска), Г. ГРЕКОВУ (ст. Н.-Чирская), П. ЕРЕМЕЕВУ (Джабас).

СОДЕРЖАНИЕ: **ПЕРЕДОВАЯ**. — Сигнал к восстанию. **Я. ПЕЧЕ.** — Октябрь в Москве. Воспоминания начальника Штаба Красной Гвардии. **И. ГРУШИН.** — Партизан Жилиев. Воспоминания. **Л. ЗАВОДОВСКИЙ.** — Матрос Пунак. Рассказ. **А. С. ГРИП.** — Личные прием. Рассказ. **Наша ученица.** Очерк. **П. ЛОПАТИН.** — Наша изобретательница и изобретатели. Очерк. **М. ЛЕВИДОВ.** — Развлечения у нас и у них. **ИППОЛИТ.** — Из комсомольского прошлого «ПОДЗАТЬЛЬНИК». Из альбома Дени. Стихи **Г. ФИША** и **Д. АЛТАУЗЕН.**

Иллюстрации **ПОКАРЖЕВСКОГО**, Б. А. — Снимки по материалам Института **В. И. ЛЕНИНА** при ЦК ВКП(б). РУССФОТО. Обложка работы: **В. БЕЛЯЕВА**.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

{ П. Бляхин, Л. Колесников,
А. Косарев, Г. Никифоров, С. Овчинников.

Отв. редактор **Л. КОЛЕСНИКОВ**

Nº 20

ОКТЯБРЬ

С И Г Н А Л К ВОССТАНИЮ

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ В. И. ЛЕНИНА О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ.

2064 ♀ I 95 II 4
1917. 89

1914 - May, we have largely
improved our system of colon-
ization. Expect to adopt a sys-
tematic, and more scientific
way of naming them prior to legalizing
the colonies, probably, first, by giving
each colony a name, and then
adopting a systematic method of
naming the colonies in the future.

— *Merluccius* *merluccius*
(северная часть Атлантического океана и Канада).
Крупные трофеи, — длина
до 200 см., — мак-
шина плавания, сильные
зубы, не имеющие острий
боков, — Голова с крючко-
вым механизмом. Составляет
из 3 небольших тяжелых клю-
вов.

ЦК признает, что, как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайне проявление нарастающей¹ всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистам, с целью удушия революции в России) — так и военное положение (иссоменное решение русской буржуазии и Кременского с компанией сладить Питер немедля) — так и разоблачение большинства подстарьей партий в Согзатах, — все

7/1 1000-13 2. Наши работы в Голен
ф-т Мончев), Керченский арх.
и др. работы Степанов, Кон-
стантина и Григория Бондаря
и др., А. Н. Козырева и др.
Бакида, А. Г. Краснова и др.
Иванова и др.), — все
это работы по проектам №№ 3
Борисове — Альбани.

Несколько позже
все здания бывшего краевого
центра в Бахчисарае, кроме
здания театра и архива
были разрушены в ходе боевых
действий в районе гет-
манской обороны в районе
Бахчисарая. Всего
(включая Степанов, Кон-
стантина Бондаря и др.)
Бахчисаре и Миргире, в с-
п. Крымской области и
западной части Крыма

это, в связи с крестьянским восстанием и с поворотом изредного доверия к изящной партии (выборы в Москве), наконец, явное подготавливание второй "корниловщины" (выход войск из Петра, подозрение в Петру казаков, окружение Минска казаками и пр.) — все это ставят на очередь для вооруженного восстания.

Призываю, так, обр., что вор/ж. въстане изненадко и вполне наизло, ЦК предлагают всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (сезд Советов Сев. области, вывода войск из Птицей, выступления московской и минской и т. д.).

³ Во всей Европе.

ОКТЯБРЬ В МОСКВЕ

Воспоминания б. начальника штаба Красной гвардии в Октябрьские дни Я. ПЕЧЕ

Согласно секретного отношения тов. Ленина в Московский Комитет о том, чтобы выступить т. Бухарин 20 октября вызвал меня и т. Штернберга и задал вопрос:

— Так как Питер решил выступить в эти дни, т. Ленин предлагает нам выступить. Что вы скажете?

Наш ответ указывал на то, что Москву имеются технические затруднения и даже политические колебания. Военные части московского гарнизона, несмотря на наличие 54 рот, которые вынесли резолюцию о выступлении за власть советов, еще не организованы и даже политически колеблются, вследствие влияния старой армейской.

Мы же должны были лучше подготовлены, так как у них отсутствует оружие. Имеется всего около 9 тысяч револьверов, 2 пулемета и около 600 винтовок в разных местах г. Москвы. Вот и все оружие на 12 тысяч красногвардейских кадров и 13 тысяч самоходящихся красногвардейцев и сочувствующих, тоже организованных под руководством нашей партии штабом Красной гвардии по заводам.

На вопрос Бухарина, «сможем ли мы с имеющимися у нас силами начать вооруженное восстание и победить?», я заявил, что, если Питер выступит первым, то этим создастся перелом у колеблющегося в значительной степени московского гарнизона. Мы тогда с наложкой можем взять власть, с наложкой и боевыми усилиями.

Начало действий

Штабом Красной гвардии, после заседания, где решался вопрос о выступлении на поддержку Питера, при участии на этом заседании членов Московского Комитета, организаторов и руководителей районных штабов Красной гвардии, было решено немедленно разъяснять группам каждый район под руководством секретных троек Красной гвардии. Троицкая темпориала вско подготиковала к выступлению. Они изменили отдельные окопы, гарнизоны и т. д. Руководили т. т. Штернбергом, Пите, Эзимом Павловичем Добролюбовым, Петером Мальковым и др. Постепенно развертывая свои силы, мы начали выдвигать боевые пятерки, пригласив рабочих по заводам к тому, чтобы там назначили дежурства, и скрытое оружие было взято для охраны заводов. К 24—25 числу мы учили и мобилизовали все транспортные средства Москвы, глазным образом, грузовые автомобили, установив тесную связь с командирами, гидролиниями, самолетами и автомобильными ротами.

Другой ударный задачей было избрание в заранее организованных ячейках огневых, мелких складов оружия, партийных боевых троек и пятерок, а также и Военно-Революционного Комитета для того, чтобы они самостоятельно пришли власту над огневскими.

В период этой работы в нашей фракции Моск. Совета и частично в Московском Комитете происходили некоторые колебания. Особенно увеличились они после того, как Каменев и Энгельхейм сбежали с боевого поста и отреклись от революции, обявив об этом в буржуазных газетах.

Наконец, Московский Комитет избрал партийную семерку, выдвинув своих членов в будущий Военно-Революционный Комитет от большевиков. Партийные же пятерки и те члены Военного Комитета, которые были избраны Московским Комитетом, поспешили приступить к действиям, так как районы начали напирать и возмущаться, требуя немедленного выступления.

В это время в заранее организованных ячейках были назначены делегаты, уполномоченные в комиссии для того, чтобы вынести одну часть вооруженных и изворожденных рабочих в центр, а другую оставить в районах, откуда и начать наступление, постепенно занимая все стратеги-

ческие пункты. В momen приступили был отправлен Лихачев в Хамовнический район для того, чтобы вывести его в наступление. О. А. Варенцов с Петровым, руководили наступлением в городском районе, мне было поручено вывести Лесной, Федоровский, Басманный и Замоскворечский районы.

Первые трудности

События развивались так: Вначале центр был окружен тремя колонами юнкеров, что создавало большую опасность для Штаба Красной гвардии и разведки Федорова, которые действовали против них из-

Отряды Красной гвардии занимают Кремль

нутри, но много не могли сделать без наступления частей из районов.

Формирования из стоявших за нас частей и из ближайших окрестностей были произведены в очень ограниченном количестве. Это создавало внутреннюю панику и растерянность. Дело дошло до того, что один из работников, довольно истерически заявил о грозящей нам гибели, так как выхода никакого нет.

Создавшееся положение было результатом того, что до Октябрьского периода значительная часть фракции Московского Совета и часть Московского Комитета, обратила мое внимание на то, что мелкобуржуазные партии Троцкого увеличивали свою силу, что наступающие буржуазные войска расстреляли захваченных в плен красногвардейцев, не щадя даже изъятых на sanitarnykh автомобилей раненых.

Но боя прибликались. Первые выступили дивизии, получившие некоторое количество оружия. В это время районные руководители Штаба Красной гвардии снаряжали реквизированные грузовые автомобили и отправляли их в огнестрельные склады за оружием.

Главный

Посланные автомобили, нагруженные оружием в складах Военного комитета с помощью вооруженных отрядов красногвардейцев, под их же охраной быстро направлялись обратно по своим районам ревкомам и заводам. Вот таким путем, через монократические поездки целого обара грузов автомобилей, было получено большое количество вооружения.

Вооруженные и сформированные рабочие красногвардейцы, разбросанные на отряды, и закрытое соорудили баррикады, траншеи и изолировали на учет неценденные мелкие участки, а к мене колеблющимися группами, на которых не действовал ни пропаганда, ни агитация, пошли вооруженные красногвардейцы и заставили их постепенно разрушиться.

Взятие Кремля

Я привел последний эпизод в октябрьского переворота в Москве, который имел почти решающее значение — это осада и взятие Кремля.

Перед взятием Кремля я и Глебов были в Московском Военно-революционном Комитете. Затем Вое-Рев. Комитет поручил на взять с Красной гвардией Кремль. Я взял отряд из замороженных красногвардейцев, численностью в 55-60 человек, вооруженных с этим отрядом наутро 2-го ноября на Красную площадь, ворота на Спасских воротах. Подступили к ним, мы взломали ворота. В это время с церковных колоколов Кремля послышалась пулепетный огонь, и, не счастливый, не рассчитанный верх взятый выше: я со своим отрядом вошел во двор под приветствием Кремлевской стены. В это время с обстреливавшимися присоединившимися скрытые в Никольской башне дивизии, начали на нас обрушиваться на то, что они в фотографиях с Вое-Рев. Комитетом заявляли о своей сдаче. Лавиной под обстрелом, под проклятием поклонников Кремля, мы направились к Никольскому дворцу. Вдруг наступившая обратно к нам выбегают из часовни около 40 попов и манахов с иконами и крестами и криком: «Ратуйте, братцы, на убийство!». Я их заставил вернуться обратно вместе с их иконами и из-за них им:

«Мы так предательски не поступаем, как вы же — расстреливаем пленных». Передайте сию радость слово о том, что «запустите пусть они немедленно идут и сядут».

На это им был дан 5-ти минутный срок. Через 5 минут из Никольского двора и из других районов выссыпали офицеры, юнкера, студенты и пошли к нам на наставство. Некоторые из них кончили самоубийством. Другие падали в обморок туже на площадях Кремля. Некоторые из них во главе с полковником, вывалили без оружия, но имели рапорты и другие ружья.

В это время т. Глебов был соединен арестованными частями 56 полка во главе с нашим комендантом Кремля т. Берзином. Освобожденные из тюрьмы, они вышли из-под держаками и проголосовали за них. Около 5 дней из-под держаков были продовольствия. Некоторые оказались больными после тех переживаний, которых они перенесли, попав в плен к белым, где их выстроили в одну ширенку и часть расстреляли, а оставшихся в живых заперли в тюрьме. Освобожденные солдаты тут же, схватив брошенные юнкерами винтовки, бросились на полковника (фамилию его забыл), который расстрелян в тюрьме Кремля, и на юнкеров, державших в руках гранаты, и на месте расстрелян их.

Петроград же, освободивший заключенных со своим отрядом красногвардейцев из городского района и вступивший в Кремль со стороны Троицких ворот, соединился с нашими частями, а с третьей стороны, со стороны Никольских ворот, с своим отрядом красногвардейцев и вскоре они пересекли вхолм т. Сирота.

Победа была одержана.

ПАРТИЗАН ЖИЛЯЕВ

Большевистский переворот в Кустане

И. ГРУШИН

В Ленинграде Октябрьская революция уже победила и укрепилась. Сформировавшиеся отряды Красной гвардии в глубокую и глубокую пропасть Россию. До Урала почти все стало советским. Но в Сибири царствовали меньшевики и буржуазия. Не придавая особенного значения Октябрьскому перевороту, считая его временным, сибиряки первое время продолжали отправлять на Ленинград (тогда Петроград) поезд с хлебом и продовольствием, но потом, убедившись, что власть Советов крепнет, стали всячески тормозить погрузку и отправку хлеба.

С целью ускорения отправки хлеба из Сибири для армии и уже начавшегося подавления наступления Ленинграда были организованы «apoliticheskie» отряды матросов, которые и посыпались в различные места Сибири.

Конечно, «apoliticheskie» этих матросских отрядов была бумага. Каждый отряд, приезжая куда-либо, действовал первое время «apoliticheskiy» (хлеб, мол, нам нужен, а не политика), но, по мере укрепления отряда, подготовки почвы, устраивал переворот, прогоняли старую власть и организовывали рекомы.

Из 50 матросов учебно-артиллерийского и минного отряда машинной школы были организованы продовольственными отрядами, командование которых было взято у них. Василий Чекмарев — матрос машинной школы.

Каждому матросу было выдано: винтовка с неограниченным числом патронов, наган с зарядами и несколько бомб.

В середине ноября 1917 года (ст. ст.) отряд выехал из Питера и по магистрали Москва—Тула — Самара — Самара — Уфа — Полетаво-Троицк прибыл в конец ноября к месту назначения в Кустанай.

Дорога была спокойной. Если отряд где-нибудь останавливался, то ненадолго. Стояло пять часов, — и отряд — и давалось отправление.

Вид бравых, здоровых ребят, одетых в большие белые пальцы и сибирские шинны шубы, от которых шел отвратительный кислый запах, делал дело лучше всяких мандатов.

Только в городе Троицке вышла небольшая залежка. В это время там был знаменитый властелин полковник Дутов, с отрядом хоронил вооруженных и преданных ему казаков.

Узнав, что едет отряд вооруженных матросов, устроил встречу — оцените поезд и попросил разоружиться. Матросы откашлились, сказав, что желают вести переворот. Чекмарев, посоветовавшись с товарищами, решил не терять своего авторитета — послал для переворота дегенерата, обещав притянуть в случае чего на отмененные перевороты.

Перевороты затянулись для отряда времени и определения настроения частей Дутова. Большевистские настроенные казаки, а таких оказалось не мало: передавали отряду все, что надо, о расположении частей, об их числах и о настроении.

Забрал около 50 линий мандатов, уполномоченные пошли к Дутову. Там делегаты предложили сдать временно наганы и провели в измер к полковнику.

Дутов — толстый, здоровый с типичным полковническим лицом, сидел за столом и читал «Правду». Когда они вошли, он отложил газету, всмотрелся в предложенных сестер, и сказал:

«Всёbekazheznamenitost'!»

Боеклассники решили послать для проведения мобилизации карательный отряд. Во всех уездах, в городах и селах, говорили, что приедет «карательный отряд», чтобы очень спирно «Порядок жителей всего села, насильование женщин — обычное явление. Тогда же начались массовые расстрелы при член расстрелом предшествовали издевательства над крестьянами.

Вот одно комариное письмо из станицы Усть-Чарышской товарища Ужина, очевидца расправы:

«Поп подал есаулу Дубову бумаги — списки большевиков.

Есаул скомкал:

— Ну, значит... Шапки долой...

Толпа выпустила... на колени.

— Вы должны выдать всех большевиков, — продолжил есаул. — списки у меня есть...

На середину вышел дед Онуфрий и сказал:

— Ни при чем тут мир. Только и охальников, что моя дядя сына...

Высунув язык и скомкал:

— Лопаты сюда, заставьте сыновей могилу рвать. Лопаты подали.

— Имейте в виду, — заявил Дутов, — что в случае попытки захватить власти, вы будете иметь дело со мной.

В корпорде делегатов вернулись наганы, и они отправились в дутовскую повозке на станцию Троицк к своим, а к вечеру ушли в Кустанай.

Митинги, беседы с Дутовым, большевистское настроение частей показали про отряду, что он представляет собой большую, хорошо организованную силу, благодаря которой можно многое сделать. Отряд решил, пользуясь «apoliticheskiy» способом, устроить в Кустанай переворот, захватить власть и отправить «все имеющиеся там запасы хлеба в Т. п.»

Подготовка почту, отряд матросов решил действовать. В первый день праздника хранившие матросы захватили все учреждения: телефонную станцию, телеграф, поставили в зале охрану из верных солдат 246 пехотного полка и организовали ревком. Переворот прошел без единого выстрела: правители Кустаная праздновали праздник и не обращали внимания на выступление солдат и матросов.

Революционный комитет под председательством Чекмарева приступил к работе. Его состав был самым разнообразным: от матросов большевистской контр-революции Адмиралтейского штаба, от контингента посланного в реином буржуазным

На первых порах наследие отнеслось к перевороту с энтузиазмом, но потом, под влиянием агитации буржуазии и соглашательств против захватчиков — большевиков, настроение изменилось далеко не в пользу переворота. Офицеры и эсеры повели борьбу с ревкомом: они агитировали против приказов, издаваемых РК, Чекмарев, ранним его из-за угла. Члененный Чекмарев должен был уехать из Кустаная, а вместе с ним уехал и отряд, захватив с собой два эшелона (около 100 тысяч пудов) хлеба.

БЕЛЫЕ У ВЛАСТИ

Душой кустанайского белого переворота были сибирские солдаты и рабочие, и работали по единому плану. Пользовались полной свободой, засели организовались сами, помогли организовать офицерам и к моменту захвата в здании уже новое правительство. Первым делом засор был арест членов совета, п/ч если этот засор был произведен провокационным путем: было озялено, что бывшим членам совета гарантирована полная свобода, и они должны явиться с доказательствами.

Увидев знакомые лица, члены совета явились в здание в тюрьму. Часть более заслуженных большевиков бы ареста расстреляны приговорены к смертной казни. Расправились с ними члены совета, засоры принимаются за создание власти. Ими организуется «Комитет народной власти», но большинство прошло в комитете не засор, а боялся. Не трудно догадаться, что стал делать этот комитет...

Захвачена власть, белые из офицерских отрядов выделили карательные части и приступили к набору добровольцев из солдат и рабочих. Был обнаружен приказ маневра: маневр, не исключенной вспышкой и даже легкого подожога обработке. Однако, набор добровольцев совершился проводился, а мобилизация пошла туда, потому что не было причин воевать против большевиков, потому что никто не засор, зачем призывают воевать. Началось уложение от призыва.

Колчаковцы решили послать для проведения мобилизации карательный отряд. Во всех уездах, в городах и селах, говорили, что приедет «карательный отряд», чтобы очень спирно «Порядок жителей всего села, насильование женщин — обычное явление. Тогда же начались массовые расстрелы при член расстрелом предшествовали издевательства над крестьянами.

Вот одно комариное письмо из станицы Усть-Чарышской товарища Ужина, очевидца расправы:

«Поп подал есаулу Дубову бумаги — списки большевиков.

Есаул скомкал:

— Ну, значит... Шапки долой...

Толпа выпустила... на колени.

— Вы должны выдать всех большевиков, — продолжил есаул. — списки у меня есть...

На середину вышел дед Онуфрий и сказал:

— Ни при чем тут мир. Только и охальников, что моя дядя сына...

Высунув язык и скомкал:

— Лопаты сюда, заставьте сыновей могилу рвать. Лопаты подали.

— Имейте в виду, — заявил Дутов, — что в случае попытки захватить власти, вы будете иметь дело со мной.

Человек пять дюжих солдат помогли двум сыновьям деда Онуфрия копать круглую яму глубиной в рост человека. Замкнутая конюшком толпа стала в тихом укасе. Женщины плакали невыразимыми слезами. Дед Онуфрий, стоя на коленях, стеклянным взглядом вился в небо, и нельзя было понять, молился он или кого-то прославлял.

— Ну, чего тянуть болыни. Живо в яму его! Голову не зарывать, чтоб казньлся, старый подонок!

В сырой земле, пахнущей могилой, утонуло сухое сгорбленное тело деда Онуфрия.

Утонув в земле, дед Онуфрий широкими открытыми глазами с покривневшим и искаленным содроганием лица смотрел на стоявших поодаль сыновей, на сытый, блестящий от солнца кирпич священника и на играющие блеску в погасшем солнце есаулы.

— А этих молодцов сейчас же расстрелять на сугробах у песчанки...

Но сыновья баб и мужиков колышется дрожь. Словно она слышит уже трехсучий выстрел и молчаливо ждет минуты, когда свиной помойка падет и на ее голову.

В стороне от замкнутого края, саженях в трех от него, сыновья деда Онуфрия поставили лицом на восток. Священник трижды осенял их крестным знамением, и раздалась команда:

— Взвод-о... пли...

Угасли драмы жизни. В глазах деда Онуфрия засияли уродливые фигуры для трупа. Он заслонил лицо руками и мучительно стонал. И в этом сдавленном стоне слышалась протест скверенской композиции.

Есаду Дубову, вспыхнув глазами в испачканные листы бумаги, громко вызывает по фамилии занесенных в списки большевиков. Кольцо арестованных разрывается и к трумам сыновей деда Онуфрия идут с поникшими головами, с ужасом на лице, отдельные группы мужиков и баб. Десятка два обезумевших людей покорно ложатся на землю, крестятся, молчащие благословение священника, а затем, поклонившись земле, входят в перелесок, скрывающим белый кирпичный к拉斯атик холм.

Тут же, почти рядом с трупами и стонущими от судороги мученых в другой группе мужиков и баб и кирпичная насыпь спасает свою победную трезину. Кажется, что вся толпа рвет звериным поем, и вместе с нею плакет мученными глазами деда Онуфрия полита кровью и устала от людских страданий родная кормилица-земля.

ЖИЛЯЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Тerror, неуверенность крестьян в завтрашнем дне, разоржение хлебоземелья, что было придумано к одному из видов борьбы с бумагами засорами белых.

В самом деле, что должен был делать крестьянин, если приезжали караульи и начинали грабить, портить и насиловать женщин?

Положение же кустанайских крестьян, в виду их зажиточности, было особенно плохим, ибо белые совершили разорили их хозяйства.

Большинки только хлеб брали, а белые все берут. Скоро ли их, чертей, не будет? — рассуждали крестьяне.

Отсутствие законности помогало укрепляться античековскому настроению среди крестьян.

В конце марта создалось такое положение, при котором восстание нужно было ожидать каждый день. Нужен был лишь предлог, который нашелся. В пос. Боровое начальник милиции белых Головин вел себя возмутителем и был ненавидим населением. 1 апреля он послал отряд своих милиционеров в пос. Долбушинский для ареста подпольщиков. Но милиционеры, явившиеся в поселок, начали беспричинно стрелять на макушку и ругаться. Члены подпольной ячейки, глава с Жуковским, напали на милиционеров и перебили их. Отсюда и началось восстание, получившее название Жиляевского.

Белые, узнав о восстании, послали наступающую партизанам отряд. Первая встреча погасла с близким приездом в пос. Жуковском и Владимирском. После длительного боя казаки были разбиты. Партизаны взяли их на хранение: они послали невооруженных людей в обои и вели отступать, а вооруженного большинства побывавших скрылось за домами и прекратило

стрельбу. Казаки, думая, что красные разбиты, вошли в поселок и были расстреляны в упор. Маневр партизан был настолько ловкий, что даже командиры попали в плен и были убиты. В боях партизаны понесли незначительные потери, между тем как у белых погиб весь отряд.

Обрадованные первой победой партизаны с особым рвением пошли на Кустанай. К этому времени к Жиляеву проникнуло изрядное количество бывших дезертиров, и его отряд возрос до пятисот человек.

Узнав об поражении отряда, белые вздохнули. Наследники стали готовить оборону Кустаная. За городом, за казенной оградой монастыря, белые поставили батарею, а в поселок Загородский сгоняли много казаков. Однако там белые не защищали. Партизаны 5 апреля, в 4 часа утра, подошли к городу, и начался бой. Хорошо вооруженные белые, несомненно, отбили бы партизан, если бы Жиляев не послал сотню казаков, чтобы отвлечь южных партизан без боя занял вокзал и главную часть города. Среди белых началась паника, не поддающаяся никакому описанию. Были такие случаи, когда белые отряды стреляли друг в друга. К часу дня город был занят партизанами.

ЖИЛЯЕВ ОТСТУПАЕТ

Партизаны не смогли удержаться в Кустанаях, находясь в глубоком тылу у Колчака. Отрезанные на сотни верст от чистой Красной армии, имев вооружение только на $\frac{1}{3}$ всех повстанцев, партизаны не могли устоять против наступления, которое повели белые.

Но немногим белым техники повинствии, и вскоревой проходил уже на окраинах города. Но засыбрыки «броня» еще не ее жестокий характер, ибо в защите города принимало участие все население.

Революционный подъем наблюдался и у женщин. Они приносили в окопы сено, разносили патроны, даже стреляли по белым.

Выделялся казак Жиляев. Кто мало что знает, говорит: «Это же Жиляев». Кто мало что знает, говорит: «Это же Жиляев». При обстреле Кустаная она командовала конницей охраны. Первые дни она из Жиляева не отходила ни шага. Когда же ее напали на город, Жиляев с отрядом оказалась в самом тяжелом месте у во зала, куда прибыло около сотни казаков. И и до стечьтись, если бы не она, много бы понесли пострадавшие.

С гиком и ревом понесся партизанский отряд на встречу казакам. Впереди на красном коне скакет Жиляев, украшив свою бороду большим красным бантом. С шашкой наглое она, лицо громадиной руками, презрительно в каскью сотню и сражалась рубить.

На коне кавалерист не рубил так ловко, как она. Но главное—она воодушевляла. Сражение ее примером повстанцы дрались, как львы, и в короткое время казачья сотня была смята, уничтожена.

Весь день видели Жиляеву на самых опасных участках фронта.

На ночь бой немного стих, не не прекратился, а к утру опять началась форменная сечь. Повстанцы дрались с южеством. Об отступлении никто не думал. В целях повстанцы лежали таким образом: один с винтовкой и две с пиками или шашкой.

Как только убий ли того, кто имеет гранитку, его заменили другие. К белым скакали подводы и подкрепления. Город ограбливалась из трех батарей. Стало ясно, что придется отступать.

10 апреля, в 5 часов вечера, Кустанай был занят белыми. Началась расправа с «большевиками». В первый момент расстреливали все мужчины, появлявшиеся на улице. Затем начались налеты из квартир жителей. Отцов семей расстреливали на глазах с семьи, публично и склоняли женщины, вешая из воротах и убивали прикладами.

Волосы вставали дыбом от виденного. Были случаи внезапного посещения.

К Кустанаям стоял башкирский путь.

В восстании он не принимал участия, но так как башкир-солдатам в дни восстания выдавалась продовольствие, партизан хороший плек, то они организировали Жиляеву и запомнили его фамилию—«Жиляев».

Видя, что партизаны имеют в позициях тулу или на штане красные бафы, башкиры в знак солдатских рифов и с себя украшили краинами бантами. Когда белые зшли в город, в штаны не сидели бант, этого было достаточно, чтобы их расстреляли. О расстреле башкиров следующее:

«Ни покажу к получичку привозят группу человек в 200 башкир.

— Кто твой начальник? — орет на ближайшего башкира офицер.

— Еверэл Жиляй, — отвечают за него все башкиры.

— Расстрелять эту скопочку, — отдает приказ сфириров.

Башкиров отводят к откосу и расстреливают из пулеметов.

С захваченными постами белые распространяются из местах — их или гешали или расстреливали.

Вот, напр., приказы, которым расклеивались по Кустанаям.

«Я лично убедился, что в восстании большевистских банд в городе Кустаная и поселков его уезда принимали фактическое участие не только мужчины, но и женщины и позорно производить стрельбу из-за углов они, с крыши и чердаков по нашим доблестным защитникам стреляли. Для того времени эти преступники в большей степени оставались в стороне, не получив должного возмездия за предательство по отношению к родине».

Считая о совершенно неправильном и неуместном расстреливанием введение в плене и сличном почетным расстреливанием в плене не такого рода преступник, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться мною исключительно розги, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее действие на этого слабомудрую среду, которая по праву своего назначения исключительно займеть горишками, кухней и воспитанием детей будущего, более лучшего поколения, а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию».

Подлинный подпись начальника гарнизона, подполковник Томашевский, С подлинным верно: Старший адъютант, подпоручик Шевченко...

После этого, как один из сайдов Жиляева был предательски разружен и расстрелян, восставшими кризисом, Жиляев, наконец, достиг Челкара, где находились части Курской армии Туркфронта. Пар изанский отряд был преобразован в Кустанайский полк.

ЖИЛЯЕВЩИНА

На этом кончилась славная история восстания. Всегда за ней открывалась тяжелая и грустная истрия — «жильевщина».

Еще в начале восстания Жиляев показал себя, как властолюбивый человек, желающий командовать. По ом это качество в нем развились еще сильнее. Уже в Кустанаях он не считался с Реввоенсоветом и делал так, как хотел.

С первых дней его появление в Челкаре, он понял, что ему придется подчинить фронту и Реввоенсовету, и что для его командования и властоведения прошли.

Так кончил Жиляев. Остальные жильевщики впоследствии были помилованы. Кустанайские же толпы, который после Жиляева сражались с белыми лучше всех частей, были выданы ВЦИК орденом Красного Знамени.

Но Жиляев — партизан, он настолько же глубоко заряжен этим духом, что не способен возможным сказать о своем. Он цепел в власть. Он идет на провокацию и даже на измену. Отсюда началась первая, впоследствии получившая название «жильевщина».

Однажды, числа 20 августа (ст. ст.), был донесено в Реввоенсовет фраза, что в честь донесено что-то неблагодарчично. На штабе Астраханцев поручил Жиляеву взять 60 человек и бороться в разведку, что последний и сделал. Воротившись с разведки, Жиляев не счел нужным отдать отчет Астраханцев, а лег спать. Астраханцев велел разбудить его и потребовал отчета. Жиляев отказался дать его. Нашицы с согласия полпограничника, снова арестовали Жиляева с женой и посадили на станции Аральское Море в вагон.

Во времена маневра паровоз зацепил вагон с арестованными, чтобы переставить на другой путь. Жиляев сунул — казака эзрца в окно: «Говориши, нас везут в Ташкент, чтобы расстрелять. Спасище».

Некоторые из приверженцев Жиляева бились на выручку. Выломали дверь и погнали Жиляеву в штаб.

Жиляев, схватив шашку, бросился со сшибкой Жиляеву в штаб.

Первым был убит политком штаба, а затем ранен тов. Астраханцев, который, судя заработкой, не успел опомниться и разобрать в чем дело. Прихвосты Жиляева стали громить все, что попадало под руки. Они сделали обсыпь и надели шинуцкий черного сунца, которые дрожали для артистов театра, обивали штаб в том числе: «мол, kostyom», держались на скамье, неиздади, чтобы перебежать к белым».

Жиляев этим хотел вывать возмущение и захватить штаб, но повстанцы ему не помогли, и он был арестован вместе с женой и со всем братией, помогавшей ему в эти гибнущем бунте.

Буквотиков изб^ылось более полсотни, из они были погружены на судно «Киргиз» и в окоре были поставлены в море, от присти берегах в пыли. Следствие тянулось недолго. В скорости был назначен суд.

Суд состоял из представителей каждой части, а также представителей Ахшабского и Северного фронтов.

После долгих изысканий свидетелей, Жиляев, его жен, Володин, Стефановский и Грекенко были приговорены к расстрелу.

Через несколько дней приговор был применен в исполнение.

Так кончил Жиляев. Остальные жильевщики впоследствии были помилованы. Кустанайские же толпы, которые после Жиляева сражались с белыми лучше всех частей, были выданы ВЦИК орденом Красного Знамени.

Жертва восстания

МАТРОС ПУНАК

Л. ЗАВАДОВСКИЙ. Рисунки ПОКАРЖЕВСКОГО

С гауптвахты его перевели в губернскую тюрьму и судили с другими, такими же как он, бунтовщиками военно-полевым судом. Сидел на желтой высокой скамье и хотел, чтоб она была еще выше, чтоб видели все, как судят офицеры своих врагов — матросов. Мощная, еще не сломленная тюрьмой фигура, как гранитное изваяние, была неподвижна, на словно вырубленную из камня щеку упала черная лента с раздвоенным концом.

Когда испуганный молодой матросик пискливыми голосом давал унижающие показания, вызывая улыбку у чистых, сытых судей в погонах и значках, — скимал могучими пальцами колено, делая синяки под гвардейским сукном. Пот редкими каплями проступал на широком, словно раздавленном носу. Боялся шевельнуться, точно от его движений матросик может окончательно расплакаться и станет просить прощения.

После краткого чаепития, судьи вошли снова. Офицер в пенсне неразборчиво и торопливо прочитал давно решенный приговор. Пунак выдохнул весь набранный в грудь воздух, колыхнулся, поборговел от гнева, сорвал с головы бескозырку с лентами и, скомкал, как листок бумаги, шаркнул далеко вперед к столу. За столом качнулись и что-то закричали. Словно опомнившись, вскочили со скамьи и остальные. Черные клопья полетели на желтый пол. Позади с угрозой стукнули приклады.

— Тебе только двадцать лет, — заглядывая в глазами, — забыли, не отражали ни солнца, ни громадных домов с блестящими зеркальными окнами.

С нахальным клокочущим криком обогнал автомобиль. На пружинах качался зеленый мундир. Председатель военного суда спешил домой обедать. Малиновая соседка с темными страусовыми пером, вытянутым назад за скорость, тесно прижалась к офицеру. Карминовые губы шевельнулись, из-под полей шляпы сверкнули удивленные глаза. Обнаженные головы поднялись вслед машине с проклятьем.

Пунак понял: бороться с ними будет уже не он.

Немощная фигура рядом скользила по неровной мостовой, тыкалась и дрожала. Если бы увидел эту женщины пять минут назад в суде, хватил бы по доске и скосировал бы страшно, по-матросски, в десять этажей, бога, в веру, в мать... и суд, и зал, и небо.

— «За что таких?»

Рядом с матросиком шел Волька с горбатым носом, с тонкими губами, с глазами живыми до самой смерти. Он вел ослабевшего под руку, и радостно подумалось: этот доведет, поможет умереть.

Клещи мели мостовую, — все ближе к тюрьме. Прохожие толпились на тротуарах, с любопытством заглядывая в лица и трусливо жались под окриками конвойных:

«Только на двадцать лет!»

.... Мощная, еще не сломленная тюрьмой фигура, как гранитное изваяние, была неподвижна...

Когда другие в стенах, за гранью железа и башен, сочили свою борьбу оконченной и свернулись, как улитки, не отрхались даже от оскорблений — он вышел на борьбу один.

— Не подчиняюсь никому! Вы постановите лизать у них подметки, — отвечал он на уверение не подводить под штрафы камеру, подчиниться, встать во фронт на поверхку.

— Ведь сидим же мы в тюрьме? Это больше, чем встать на пять минут? Подчинились же?

— Не встану.

Шептались по углам, пожимали瑟瑟的 плечами, глаза безнадежно глядили в тяжелую спину, облепленную ширавым сукном. Почти с ненавистью мерзли расстояние меж двух котов со смытыми задниками.

Три дня лишь смогла бороться камера с тюремщиком. После долгих обсуждений решили встать. Там шли на смерть, стояли у орудий, а тут не выдержали без горячих щеч, без табаку, без коеч. Может быть считали и там и здесь борьбу игрушкой?

Пять лет Пунак вставал во фронт в форменной фуражке. Трудными и глубокими мыслями пришел к решению восстать против унижения. Сломил в себе раба и труса и ввел боевой патрон в винтовку против тех, кому пять лет кричал «Здравия желал»!

Из любви к друзьям сломил бы гордость, но от мысли, что унижение будет вечным, без надежды кончить службу и уйти домой в деревню, как было там экипаже, — он содрогался. Двадцать лет бессмысленных унижений после праздника, после красных флагов на судах и крепости!

Долго стоял он у окна, расставил ноги, словно в штурм на корабль. Повернулся, и не глядя в лицо, стыдясь за всех, сказал:

— Нет не могу, не встану.

По свистку стали в две шеренги. Трепожно считали хлопающие двери в коридоре. А он сидел. Грузные плечи упирались в стену, глаза прятал в серый асфальт, вылизанный десятком трусливых и старательных рук.

Плечи вздрогнули, когда заворчал в замке ключ. Слышал веселый голос:

— Ну, вот, давно бы так. Ну, злово, арестанты!

Мучительно обидно после Вольки и матросика—грохнуло дружное:

— Здравия желаем, ваше благородие!

Затихло все. Видел только блестящие сапоги из тонкой кожи и рядом другое—с широкими носами.

— А это! а?—растерянно и капризно протянул голос.—Что? Больной? Больной он что ли? Эй, отделенный!

Сапоги переместились—с квадратными носами стали ближе. Проскрипели от дверей шаги фельдшера.

— Встань, дай пульс, что болит?

— Не встану. Я здоров.—Не шевельнулся и глядел вниз, на коты, обивавшие цепью. Грудь и плечи опемели, подались вперед, чтобы вынести удар.

Сапоги затопали, ломая синий свет. Квадратный нос большого сапога оторвался от пола. Голова матроса подалась назад и стукнулась о стены.

— На десять суток в темный!

На широкой ладони, выплюнутые с кровью, лежали зубы. Молча бросил на пол и ушел из камеры.

Черное и бездонное, как угольная шахта. Нет ни утра, ни дня, ни ночи.

Тишина. Плотно, тщательно вделанные тяжелые двери, скованные железом, открывались раз в сутки и всегда на стенах коридора желтый свет лампы. В первые дни подолгу взглядывался, нет ли щели,

чтоб увидеть полоску света: ползал по полу, изгибаясь, но и под дверью была тьма. Тьма и тишина. Только шум в ушах, который иногда казался веем ветра.

Кандалы, чуткие к движению, тихо звенят и трогают ногу холодными браслетами. Пальцы касаются всегда близких стен: они кажутся совсем близкими, если закрыть глаза. От открытых глаз уходят в бесконечность. Пальцы лгут. Стен нет. Ни стен, ни потолка, только холодный отвратительный пол всегда под ногами.

Тьма мешает думать. Голова склоняется на колени, сунко греет.

Иногда не знает, спал ли, а может быть все: и он, и тишина, и цепи, и жизнь,—одно долгое черное и тихое сновидение.

Легкий шорох в замке. Если стоял, быстро опускался на пол. Стены вырастали у самого лица,—огромные, яркие, уносился в беспредельную высоту. Жмурился глаза.

— Не встанешь на поверхку?

— Не встану.

Стены исчезают, бесшумно лопаются, как яркий мыльный пузырь. За воротом арестантской рубахи высокая грудь, твердая и крепкая. Из мрака тянутся цепи. Двенадцать звеньев. Минится, что видят желтые стены такими, какими встают они, когда открывается дверь в коридор. Мира же тревожат и мучают. Вдруг яркое синее море сверкает и режет глаза. Дымные тонкие нити тянутся из труб судов к голубым горам. Протягивал руки, не верил пальцам, дрожающим на стенах. Прятал их за спину, чтоб не мешали видеть ушедшую, виденную во сне жизнь. Стоял часами, до боли в спине, боясь двинуться и звякнуть кандалами. Слушал шум изумрудных волн.

В светлом кабинете с ореховой резной мебелью, поднявшись во весь свой громадный рост, опиралась белыми руками на зеленое сунко, начальник спрашивал:

— Ну, как, встал?

— Никак нет-с, не встал опять. После четырнадцати суток сейчас в светлом.

— Держите еще в темном.

Садился тяжело в кожаное мягкое кресло.

Тысяча серых бушлатов, как одни, без лица, без имени подчинились произволу из орехового кабинета. Тысяча арестантов презирал начальник, не считая за людей, говорил, как плевал, вынимал белые душистые платок. Но один где-то в подземелье удивлял и беспокоил. Вызвал на борьбу.

Стальные холодные глаза отрывались от стола.

— Пальцем не трогать, так заставлять встать.

Жалел иногда об ударе, выбившем матросу верхние зубы. Хотел не убить, а победить.

Забывал на недели, а иногда на месяцы. И вновь узнавал:

— Ни в светлом, ни в темном не встает на проверку.

— В темный! Четырнадцать в темном, сутки в светлом.—И мускулы на щеках ходили вверх и вниз.

А в подвалной тюрьме тело матроса уже иссякало по капле. Цепи заменяли другими, чтоб не снимались с исхудавших ног. Стража привыкла к худому высокому гостю. Даже жалели. Вспыхнув в свои двери, запирая на два оборота железный замок, говорили:

— Другие стоят и хорошо им. И ты бы стоял. А так и ослепнешь.

Он приходил и уходил. Из светлого карцера в темный, из темного в светлый,

— Не встану. Я здоров...

как на привычную странную вахту. Стен не трогал пальцами, забыл о них. Когда выпускали в камеру с большим окном, чтобы соблазнить простором и светом, — получал клоочки бумаги, свернутые в трубочку, заделанные в хлебный пакет. Будто враги, а не товарищи, писали на этих клоичках. Просили уступить, жалели о здоровье. Верно стыдно было; хотели, что и он был таким же. Ниточки строчкой направно тянулись к нему в одиночку. Он скоро перестал читать, — плохо видел.

Порой всем существом чувствовал, что за стенами, за длинной дорогой коридором сидит тот, кто вступил с ним в поединок. Чуть и зорко следит за ним, как зверь — выпускает когти. Видел опасность в улучшенной пище, в светлом окне, — она кричала о жизни.

Зоркие когда-то глаза степняка не боялись уже мрака, от света же болели и исходили слезой. Сжимал челюсти, ранил беззубые десны.

— Не встану! — Не встану! — шептал он. — Ослепну, не встану!

Шагал от двери к окну пять шагов и обратно к двери пять шагов. Десять миль в день.

За окном высилась белая стена. Четырехугольник неба: то голубого, то синего, то розового, то зеленого висел надней. Стена делалась то близкой, жесткой и грязной, то уходила далеко и голубела, как нежная трада на лугах ранней весной. Если приблизить лоб к холодной решетке и скосить глаза — виднелась круглая башня с узкими оконцами, с зубцами-башниницами.

По светлому четырехугольнику проносились с мгновенной скоростью птицы, словно кто-то проводил углем по бумаге тонкую и легкую линию.

Однажды, в обычное время, после полдня на белую стену упала тень крыши. По краю двигались уродливые огромные птицы, словно чудовища. Тянули друг к другу клювы и взмахивали крыльями — бесформенными и тяжелыми, точно обрушивали друг на друга камни в безумной вражде. Это была увеличенная тень голубей.

Хрипло пророчал ключ за спиной, раздалась команда — встать. Птицы опустились ниже. Одни головы с клювами неподвижно чернели рядом, словно ждали.

— Ты что же, не знаешь команды?

Один раз слушал этот голос, но помнил его, знал, кто это: спина чувствовала стальной взгляд, на мгновение пропало желание повернуться, но победил его.

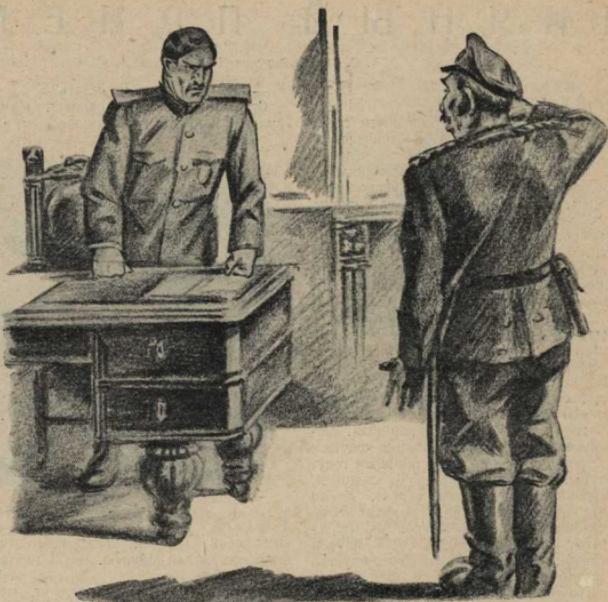
— Ну! — упал грозный голос в тихую камеру. И, вдруг, необыкновенная злобная сила оторвала глаза от двух притаившихся птиц. Успел увидеть белую руку с розовыми ногтями на сером плече и, словно пьяный, стараясь попасть в дверь и не разбиться о стену, выскоцил в коридор с протянутыми руками, словно прося пощады.

— В темный негодяй! держать без светлого, пока не встанет.

И тогда он сказал в забвении от слабости растяявшего тела:

— Я, ведь, стоял, за что же?

В первый раз вспомнил свое могучее тело. Во тьме руки торопливо искали прежнюю силу. С отвращением ссыпал

В светлом кабинете с ореховой резной мебелью, поднявшись во весь свой рост, начальник спрашивал...

кости под тонкой дряблой кожей. Неизправимым унижением казалось сказанное, а смешной бег из камеры — жалкий и трусивый. Казалось, не было победы. Две года нечеловеческой борьбы разбиты белой выхоленной рукой. Хотелось увидеть дразнь, чтобы рассказать, как страшно одному выносить долгие годы неравную борьбу, обяснять, как случилось, что сказал проклятые слова, разбившие гордость. Позднее раскаяние преследовало его. Познал и простили слабых, тех, кто нешел за ним. Как побитая, сгорбленная собака, скулья цепями, двигалась возле невидимых стен. Словно раскаленное железо, яглы слова: «Я, ведь, стоял, за что же».

Но когда пришли за ним, как за побежденным, чтобы увести в общий корпус, к друзьям, торопливо сказал слова:

— Не встану, никогда не встану!

Казалось, ничем, никаким решением не вернуть потерянной победы. С торопливостью, утратив спокойствие сильного и гордого, твердил: «Не встану, никогда не встану». И торопливость эта мучила так же, как слова, сказанные в одиночке со светлым окном.

И только когда вызвали и обявили, что везут в другую тюрьму, о которой знали одни страшные легенды, понял, что победил. Там, вдали от стен, видевших унижение, с новой силой поведет борьбу.

Среди унылых серых лиц с бубновыми тузами на халатах он выныпался, как великан. Бледный, с никогда не стриженной огромной бородой, с широким сплюснутым носом, беззубый, спокой-

ный. Без сумки, без страха за жизнь, перешагнул порог.

Штыки и сабли, коробы-дома, острый свет зеркальных окон, пестрый всплеск кварталов были далеко в тумане: он был почти слепой.

... Без сумки, без страха за жизнь, перешагнула порог...

Л И Ч Н Ы Й П Р И Е М

А. С. ГРИН. Рисунки Б. Л.

I.

Старик умирал. Он был почти слеп; к своему положению он относился с несколько смешной гордостью человека, долго и до съятыи дышавшим жарким огнем жизни. Поэтому Маурей уважал его. Дом, где они жили, стоял на границе двух пустынь—степи и леса. До ближайшего поселения вниз по реке было два пути. В этом поселении находился второй, еще более важный, чем свой—для Маурея—дом с белыми занавесками. Там жила особа в заплатанных плащах, но, по мнению Маурея, достойная носить костюм из звездных лучей.—Катерина Логар.

Маурей кормился рулем. Но это было недостаточно, чтобы с рук его невесты сошли грубые, болезненные трещины и чтобы напряженное, затобивое выражение ее глаз стало спокойным. Поэтому он сделал вдвое больше ловушек для куниц и бобров, чем в прошлом году. Шкуры, добытые им, висели в кладовой, устроенной на высоком дереве. Месяц назад неизвестный вор, проходя этими местами в отсутствие Маурея, залез на дерево, взял шкуры и исчез, а Маурей после того пронесел целый день, опустив в руки лицо.

Кто был старик, умиравший в его хижине,—охотник не знал. Его свезли на берег плотовщики, он выпросился плыть с ними, но заболел по дороге, введя тем веселых парней в мрачное настроение. Рассудил, что дела старика все равно плохи, они попросили его сесть в лодку и дождались смерти на твердой земле.

— Я плыл в Аламбо к родственникам,—сказал он Маурею утром,—у всякого человека должны быть родственники. Кого-кого я надеялся разыскать там.

Вечером он сказал:

— Подойдите и слушайте.

Маурей набил две трубки, но умирающий отказался курить.

— Сегодня я стану неподвижен,—продолжал старик,—не огорчайтесь этим, так как в свое время вы тоже станете неподвижными. Вы давали мне пить и есть в тяжелую для себя минуту. Я хочу вас поблагодарить.

— Напрасно,—возразил Маурей.

— Исполнение последней воли обязательно, поэтому спорить вам не приходится. В Аламбо живет известный милиционер Горден.

— Я слышал о нем.

— Да. Когда он был беден, я дал ему взаймы, без векселя, тысячу золотых.

— Это хорошо.

— Затем он разбогател.

— На ваши деньги?

— Конечно. Это—плут и делец. Затем я стал беден.

— Это плохо,—сказал Маурей.

— Пожалуй,—согласился старик.—И я потребовал вернуть мне деньги. С того дня, как я потребовал их, до сего дня прошло десять лет. Он не дал мне ни копейки.

— Почему?

— Этого я тоже не понимаю. Это какой-то психологический заскок, свойственный богатым, даже очень богатым.

— Что же теперь делать?
Старик вытащил карандаш, клочок бумаги и написал: «Тысячу золотых, взя-

... Вот, получите,—сказал он,—деньги ваши....

тых тобой, Гордон, когда тебе нечего было есть, отдал Маурею. Когда-то «твой» Робертсон».

— Вот, получите,—сказал он,—деньги ваши. Он должен отдать.

— Но у вас есть, вероятно, наследники?—спросил Маурей.

— О нет.—Старик сделал попытку расстремиться.—Нет, никого нет.

Маурей протестовал. Старик стоял на своем. Согласие было обеспечено существом положения.

— Хорошо,—сказал, наконец, охотник.—Что же передать еще Гордону?

— Что он подиц,—сказал умирающий, поворачиваясь к стене лицом; он заснул и более не просыпался.

II

Утром Маурей опустил его в землю, прикрыл могилу травой и, посидев несколько минут с клочком бумаги в руках, нашел, что ради Катерины Логар стоит проехать в Аламбо. Так как дело не расходилось у него с мыслью, он, взяв в мешок все ценное, т. е. остаток шкур, нож и белье, сел вечером того же дня в лодку, а через четыре дня видел уже вертикальную сеть мачт, реявших вокруг белых с зеленым уступом города, спускавшегося к воде ясным амфитеатром.

Маурей привязал лодку к купальне, заплатил сторожу, и поднялся в сверкающие асфальтовые ущелья города. По улицам переливалось экипажное и человеческое движение с той ровно ошеломляющей, бархатистой напряженностью делового дня, какая мгновенно делает однократном пришельца, доселе жаждавшего, быть может, немедленно приятного общения. Спросил раз десь, как пройти к Гордону, Маурей получил несколько противоположных указаний, слушая которых, каждый раз попадал к затейливым огромным домам—и все это были дома Гордона, но во всех этих домах его не было. Он был в каком-то еще одном своем доме.

Наконец, исколесив половину города, Маурей нашел дом и в нем—Гордона. Он прошел железные кружевые ворота, аллею с огненными цветами и попал в раскинутую мостом подъезду, середину которой сверкала ярким небом зеркальных стекол.

Не видя никого, в то время как около дома вились эхом женские и мужские голоса, Маурей громко сказал:

— Эй! Есть ли кто живой здесь?
Молчание. Мимо его лица пролетела бабочка; деревья зеленели, цветы цвели и не было никого. Маурей три раза позвонил окрики, затем выстрелил в щебень дорожки. Камешки брызнули, как вода.

Тогда он увидел, что в глубине зеркальных выпукостей подъезд мелькает, пропадая и торопясь, человеческая фигура.

Испуганный швейцар выбежал, хлопнув дверью, и подступил к Маурею.

— Это вы выстрелили?—вскричал он, косясь и оглядывая с ног до головы смельчака.—Кто выстрелил? Что произошло здесь?

— Случайно зацепился курок,—сказал Маурей, кладя револьвер обратно.—Это вы—Гордон?

— Что?! Я Гордон?! Эй, любезный!

— Простое, очень простое дело,—остановил его Маурей.—Нам нет причин сориентироваться. Если вы не Гордон, то проводите меня к Гордону.

— А вам зачем? Что, у вас за дела с ним? Ступайте!

— Если у меня и есть дела,—сказал, начиная сердиться, Маурей,—то я скажу ему о том сам. А, вижу, вы—слуга. Только слуга так бесится, когда ему нечего сказать против законного желания. Я же знаю, что вы хотите вашего господина.

— Милейший,—возразил швейцар, засовывая руки в карманы и показывая на лице глубочайшее оскорблечение,—видите Гордона—не совсем то, что поздороваться с пастухом. Гордон занят. Гордон никого

не принимает. Гордон не примет даже второго. Гордона, если такой об'явится. Но если вы желаете увидеть Гордона, — только увидеть, — то вы можете подожурить несколько у ворот. Через несколько минут Гордон выйдет в свое загородное имение. Что же касается помощи, если о том речь, то... по этому...

Единый удар массивной руки Маурея привел окончание этого слова Маурея и привел окончание этого слова Маурея второго выстрела. Без звука, без сотрясения оглушенный швейцар падал. Маурей, вытряхнув из штаны руки, огляделся и, не видя никого, прошел в кусты. Здесь было так тревожно, прекрасно и тихо, как это бывает при сердцебиении ранним утром. Мгновенно оценив план, вызванной очевидностью положения и возникшем непосредственно в ударом по швейцарской шеке, Маурей снова вышел, перескочившее тело заслуженно пострадавшего в свое цветущее убежище и заткнув ему платком рот, руки же и ноги перевязал обрывком ремня.

Эти приемы, свидетельствовавшие об опытности и хладнокровии человека, привившего их, казались сущими пустяками для Маурея, так как жизнь в лесах развивала предпринимчивость и точность движений. Затем он стал ожидать так неподвижно, как если бы охотился на бара. Немного погодя из глубины заднего плана, эластически шелестя, скользнула к подъезду кабриолет; черная лошадь стала, картино опустив морду к груди, а кучер в цилиндре с плюмажем, увидел неизвестного человека, дружески кладущего ему на колено руку.

— С швейцаром плохо, — сказал Маурей, — помогите поднять.

— Тропик... — вскричал кучер, — а что?

— Он здесь за дерёвьями. Его хватил солнечный удар, — взволнованно проговорил Маурей.

Кучер слез и пробежал в тень лучистой листвы; Маурей ждал рядом. Эдвард блеснул затылок лежащего ничком швейцара, как кумер показалось, что он видит сон, где все качается и исчезает из глаз: сбив кучера с ног, Маурей быстро завязал ему рот шарфом и опутал тело лианой. Плотнее забив рот, чтобы не проглотило ни одного звука, он выдрыл сквозь петли лиана весь выездной костюм, приговаривая, где надо, чтобы делошло скорее, мертвящие мозг слова. Как бы то ни было, когда он вышел и сел с хлыстом в руке, обтянутый лопнувшим перчаткой, на передок кабриолета, ничего не могло обнаружить кокой-либо перемены.

Беглый взглядел Гордона, вышедшего, к великому своему удивлению, без швейцара, заметил, как всегда, только плюмаж и хлыст. Лица слуг он не помнил. Но он стал замечать после некоторых сосредоточенных размышлений делового характера, что экзигаж мчится уже в парке, далеко оставил за собой, некстати и в стороне, единственное шоссе Аламбо, по которому лежит недавно купленное имение.

— Кой чорт! — сказал Гордон, притопывая в кабриолете маленькой жирной ногой, — почему вы сюда заехали?

Он оглянулся. Маурей стремительно искал глухого угла. Наконец, свернув с аллеи в поросший густой травой просвет, он разом остановил лошадь и обернулся к полуобморочному Гордону.

— Вот записка, — сказал он, тыча в осоловевшее багровое лицо ключок бумаги. — От Робертсона. Уплатить! Живо!

— Я... — начал Гордон.

Черный револьвер и белая бумага ставили ему выбор. Совсем близко от дула он нагнулся и прочел резкое завещание.

— Чек или деньги, — сказал Маурей. — Начало всему положил ваш швейцар.

Он думал, что я нищий. Потом перестал спорить. Затем наступила моя очередь думать. Уже запахло вами, а я — охотник.

Наступила очередь третьего человека как бы видеть сон в залитом солнцем листве: что он, лижа сухим горячим языком черненый карапанда, выписывает чек; затем, вспомнив, что деньги в кармане, комкает, отсчитывает билеты.

— Что — нибудь... что — нибудь... этот славный... этот великолепный, чудеснейший... передать мне, — пролепетал Гордон.

— Да, — спокойно сказал Маурей. — Что вы — подлец.

Затем стало тихо вокруг Гордона. Как бы проснувшись, он никого не увидел. Далеко, в дальних просветах аллеи двигались малые фигуры людей, а лошадь, как лошадь, спокойно общипывала листву.

ДВА ОКТЯБРЯ

Осенний день. Холодный ветер Оста. Бастует Питер. Струны корабли. По Николаевскому мосту Проходили казаки патрули.

Осенний день. С утра совет рабочих Разогнан, но, пройдя кругом — На курсах бушевал — и ночью Встречали свечи первый исполком. Президент читал на всех записках: — Товарищ, на улицу пора. Обуховский, Путиловский, Балтийский.

Совет решает:

— «Стачка, как вчера». Осенний день. Ораторы в заплатах; Заставы в митингах. И в первый раз «Известия Рабочих Депутатов»

С косых заборов рвутся в глаз и вплыс. Пере на стол. И руку тянут к рюмке; Пере на стол. И сад, как темный лес. Скринит перо: самодержавный унтер

Передает барону манифест. Осенний день. И лапчатые клены, Дворцы, фонтаны, Петергофский сад. Еще не все расстреляны патронами;

Технологический в огне осад. На Загородном ночь, кости и шпоры, На Загородном ночь, штыки и залпы. Прохожий, стой! С крамольным котомидором

Полковник Риман диспут завязал.

Пустеет ночь. Холодный ветер Оста И с'езд советов — «Мира и Земли». По Николаевскому мосту —

Матросские проходят патрули. Осенний день над Зимним рвет шрапNELI; Неве «Аврора» дарит якоря.

От бури той — до Смольных дней — неделя, Четвертая неделя Октября.

Геннадий ФИШ

НАШИ УЧЕНЫЕ

Н. В. Мичурин

И. П. Павлов

П. П. Лазарев

Директор био-физического института в Москве, известный физик, построивший так наз. «теорию ионного возбуждения», обясняющую физико-химическую сторону некоторых сложных явлений в нервной системе человека и животных. Так называемая «душевная деятельность» человека с помощью этой теории может быть сведена к простым физическим и химическим явлениям в его нервной системе и устраивает всякую возможность признания «души и духовного начала». Учение П. П. Лазарева — чисто материалистическое и основано на точно поставленных опытах и исследованиях, признанное мировой наукой.

Под его руководством шло научное изучение «Курской магнитной аномалии».

А. Е. Ферсман

Директор минералогического музея Академии Наук СССР, один из крупнейших минералогов мира. В конце 1925 г. совершил экспедицию в Кара-Кум, где открыл богатейшие залежи серы, крайне необходимые для советской промышленности. В последние годы предпринял ряд экскурсий для исследования материалов неизведанных областей Средней Азии, при чем им сделан ряд блестящих научных открытий. По его указанию найдены залежи драгоценных радиевых руд. Пещеры, где они найдены, назвали его именем.

И. П. Павлов

Около 40 лет тому назад И. П. Павлов ввел в изучение сложнейших явлений работы животного организма новый метод тонких хирургических операций над жи-

вотными, благодаря которым ему и его сотрудникам удалось сделать величайшее открытие в этой области естествознания. Ему удалось доказать, что многочисленные случаи поведения животных, которые раньше считались «душевными» явлениями, зависящими от существования в животном чего-то похожего на человеческую «душу», в действительности есть

Д. Н. Пряничников

только проявления работы головного мозга и нервов, называемые «условными рефлексами». Они могут быть изучены также, как любое явление природы, исследуемое естествознанием. Методы эти, примененные к изучению поведения человека,

также успешно обясняют закономерности этого поведения и сводят многочисленные так называемые «душевые» явления в жизни человека к условным рефлексам. Поэтому работы И. П. Павлова дают ответы не только на естественно-исторические, но и философские вопросы: как происходит познание мира, существует ли душа, или нет? И ответ этот — чисто материалистический, научно-точный, точность которого признана всем мировой наукой. Поэтому И. П. Павлов, непрерывно работающий в своей лаборатории при Всесоюзной Академии наук с 1907 года до последних дней, является одним из самых блестящих ученых Советской России, которым она справедливо гордится и которому она оказывает самое глубокое внимание и поддержку.

Н. В. Мичурин

В октябре 1925 г. исполнилось пятьдесят лет его научной и практической деятельности. Это лучший русский садовод и огородник, т.-е. специалист по выведению новых сортов растений. Упорным трудом он вывел много сортов более пригодных к разведению в сельском хозяйстве, чем прежние: лучших по качеству плодов и по всей способности переносить все невзгоды климата средней части СССР. Но главная заслуга Мичурина не только в том, что он вывел лучшие сорта яблок, груши, вишни, сливы и ягод, но и указал еще, каким способом может выводить и размножать новые лучшие сорта в своем хозяйстве каждый внимательный и аккуратный сельский хозяин. Этим он дал возможность русскому крестьянству получить еще одну хорошую статью прочного дохода.

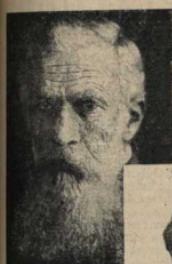
А. Е. Ферсман

На Всесоюзной выставке 1923 г. И. В. Мичурин награжден высшей премией за свои научные и практические работы и в настоящее время он является признанным мировым ученым, стоящим в одном ряду со знаменитым Л. Бересфельдом, оригинаром-садоводом С.-А. Штейнера, прозванным К. А. Тимирязевым «рабочим чудотворцем».

Владимир Афанасьевич Обручев

Выдающийся русский геолог и геохимик, родился в 1863 году. Образование закончил в Горном Институте под руководством проф. Мушкетова. Сначала с Мушкетовым, а потом самостоятельно, он исследовал пустыни Западной Азии и Бухары. Всю свою научную деятельность связана с бирью.

Когда кончилась Тибетская экспедиция 1886 года под руководством Григория Николаевича Потанина, то количество собранных результатов побудило Географическое общество спарадить новый. В 1892 году таковая и была сформирована под начальством Потанина. В ее числе молодой геолог Обручев. Цель состояла в проникновении на Тибетское нагорье через провинцию Си-Чу-Ань. Потанин и довел экспедицию до конца, и Обручев стал продолжать самостоятельную работу в Центральной Азии. Свое путешествие 1892—1894 гг. он изложил в книге «Центральная Азия, Северный Китай».

В. А. Обручев

Нань-Шань» (Спб., 1900). Это, рано или поздно, описание другого путешествия 1905—1909 годов «Пограничная Джунгария» (Томск, 1912 г.), вошли в не только одно из первых мест в серии книг подобного рода, но и замечательны литературной художественностью изложения.

В 1915 году ученик выпустил два изящно написанных географических очерков: «Алтайские этюды» и «Ворота в Китай». В настоящее время Владимир Афанасьевич работает, может быть, еще более интенсивно. Интерес его прикован, главным образом, к излюбленной Сибири, к выявлениям ее исконных богатств.

Особенности таланта Владимира Афанасьевича указывают на то, что в нем не только увлекательный профессор, но и блестящий популяризатор. Доказательством может служить выпущенная им в 1922 году книжка: «Как образовались горы».

После научных и педагогических занятий в Симферополе Владимир Афанасьевич с 1922 г. стал во главе Московской Горной Академии, где и поныне работает в качестве профессора и ректора.

Д. Н. Прянишников

(Родился в 1865 году)

Д. Н. Прянишников является в настоящее время наиболее видным представителем русской агрономии как по своим научным достоинствам, так и по своему педагогическому стажу и известности в международных научных кругах. Его научные работы начались с 1889 года и до настоящего времени им опубликовано более 225 учебных трудов и статей по сельскому хозяйству и сельскохозяйственному образованию.

Его научные работы касаются вопросов агрономической (сельскохозяйственной) химии и физиологии растений. Без ясного представления о питании растений и о свойствах почвы, на которой живут растения, немыслимо никакое правильное сельское хозяйство. Немыслимы ни умение удобрять почвы, ни выращивание сельскохозяйственных растений, от уровня которых зависит все благосостояние ССР и всякой иной страны, где сельское хозяйство является важной статьей народного хозяйства. И вот лучшие работы Прянишникова и посвящены таким во-

просам, как «Белковые вещества и их распадение в связи с дыханием и ассимиляцией», в которой выясняется важный вопрос о превращении веществ в теле растения во время дыхания и питания в «Учении об удобрении», он дает прямой ответ на этот важнейший вопрос сельского хозяйства. Одно из ценнейших открытий, сделанных Прянишниковым, доказывает, что между питанием растений и животных есть гораздо больше сходства, чем это думалось раньше. Единство жизни, столь ценное для всякого материалиста, таким образом работы Прянишникова подтверждается с новой силой, и поэтому его чисто научные труды приобретают значение и для философа. Вот почему на 35-летнем юбилее Прянишникова его приветствовали не только русские ученые и его ученики, но и целый ряд русских и иностранных учеников и учеников.

В этом году Д. Н. Прянишников удостоен премии В. И. Ленина и продолжает работать профессором в Тимирязевской С.-Х. Академии в Москве.

Н. П. Кравков

П. П. Лазарев

Н. П. Кравков

Профessor Николай Павлович Кравков удостоен премии В. И. Ленина после своей смерти: он скончался в Ленинграде в начале 1925 года в самом разгаре своих работ и в полном расцвете сил, немного перевернувшись за пятидесятилетний возраст.

Посмертное присуждение ему премии указывает на исключительно выдающиеся его заслуги перед наукой. Продолжая и развивая работы некоторых американских и русских ученых, Н. П. Кравков добился того, что вырезанные отдельные части организма, как напр., ухо кролика или человеческий палец, могли «жить» самостоятельно целыми месяцами. Для поддержания жизни их через кровеносные сосуды пропускалась струя подогретой питательной жидкости, близкой по своему составу к крови. Всего замечательнее то, что, напр., человеческие пальцы «оживали» после нескользких месяцев хранения их в высушеннем состоянии. Вырезанное человеческое сердце точно так же обнаружило способность к продолжительной самостоятельной жизни.

Эти поразительные результаты привели проф. Кравкова к мысли проделать такие же опыты над наиболее важными и интересными органами, именем над так называемыми железами «внутренней секреции». Они имеются в различных частях тела и выделяют в кровь особые вещества «гормоны».

Н. П. Кравков попробовал заставить «живь» самостоятельно в первую очередь вырезанную половую железу: он пропустил через нее ток питательной жидкости и она стала выделять свои гормоны. Но только эти гормоны не разносились кровью по всему телу, а собирались в той отработанной питательной жидкости, которая вытекала из вырезанной железы. Эта жидкость или давалась внутрь, или вспрыскивалась под кожу нуждавшимся в подъем сил или «омоложения» людям, и во многих случаях очень скоро оказывалось благотворное омолаживающее ее действие на одряхлевший организм. При этом не требуется никакой операции, производимой при омоложении другими способами.

Н. И. Вавилов

Еще молодой ученый, только в 1920 году выступивший с работой, затрагивающей основные вопросы биологии—законы развития в мире живых существ—свой работой «Закон гомологических рядов наследственной изменчивости» сразу занял почетное положение в ряду мировых ученых. Вместе с геологом Д. Соболевым (Харьков), но отдельно и независимо от него, Н. И. Вавилов пришел к тем заключениям, которые дают возможность тесно сближать явления из мира живых существ с явлениями из мира кристаллов и химических соединений. Живое у Вавилова подчиняется тем же законам, что и неживое.

Другие работы Н. И. Вавилова направлены на изучение происхождения наших культурных растений, преимущественно зерновых хлебов. По его предположению, родину многих из них надо искать в горных частях Бухары, Афганистана, Персии. Там же надо искать неизвестные еще нам сорта растений, которые могли бы обогатить сельское хозяйство еще новыми, более пригодными сортами, чем существующие.

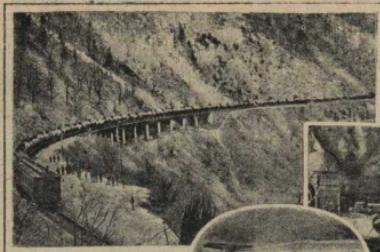
Экспедиция в Афганистан, совершенная Вавиловым в 1925 году, блестящее подтвердила его предположения. И Ленинская премия, выданная ему наряду со старыми учеными, заслужившими ее десятками лет работы, доказывает, что надежды СССР на работы молодого ученого оправдались.

N. Vavilov

СОВЕТСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ

П. ЛОПАТИН

Тормоз Казанцева
и его испытание

Ф. Л. Кузанцев

МЫ удивительно боимся и стыдимся наших собственных научных и технических достижений.

У нас за правило считается хвалить и восхититься теми ежесиними достижениями иностранцев и стыдить о зламывать свои собственные. Именно с мыслью о. Потому что «где уж нам уж с нашим скончанным ралом да в клацкий ряд блестящей заграницей техники».

Слов нет—в техническом отношении мы отстали от запада. У нас много старых, пожизненных царей Города способов производства, у нас много бедного и неизмененного. Но так ли уж мы се сензационны в техническом отношении? Неужели есть ни одна отрасль техники, в которой мы не могли бы встать в одни ряды с заграницей или быть может, постараться даже встать выше?

Причем и сравни с тем, что дела в этом отношении блестящая иностранная техника.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

НАЧИНЕМ с Ф. Л. Кузнецова. Кто знал о нем год тому назад заслугой о себе побудил прошуметь в самых великих технических журналах мира? 22 октября 1925 года?

Да знает ли кто-нибудь о нем и сейчас, об этом русском машинисте, блестящем плавдевицем «великих иногородних королей тормоза»? К сожалению, таких немало. А между тем знать не меньше бы.

Для этих незадачливых—сначала кое-что из истории этой победы. Лет 20 тому назад ее единственный был прыткий машинистом, иначе, как будут, не отличающимся от тысячи и десятков тысяч других машинистов Российской империи. Потом с 1908 г. у него зародилась упорная мысль устроить тормоза для паровозов, не имеющих тормозов, которые зависят большую часть на железной дороге, сотни тысяч человеческих жизней и миллионы тонн груза.

На помощь ли, дерзкая мысль, да русского машиниста,—хочущего только сам «скую школу»—лучшую ли, что создаю в прекрасных иногородних лабораториях и заездах «великим мировым королем тормоза», всеми миром Вестингаузом?

Но мысль засела в упорную голову, и начались работы, кропотливая, нудная, тяжелая, без денег, урывками, без нужных материалов и, конечно, без всякой наемки за какие-нибудь спасительные лаборатории.

Наконец, после 18 лет работы—первое признание ее результатов нашим комитетом изобретений 24 мая 1921 года. А потом—снова работа, снова дальнейшие усовершенствования и улучшения.

И только, когда перед нашим транспортом встал во всея рост вопрос о том, что тормоз Вестингауз устарел, что нам надо какой-нибудь другой и более совершенный механизм—тогда наступила долгожданная для Ф. Л. Кузнецова минута. Было назначено соревнование между его тормозом и лучшим из новых тормозов заграницы, германский тормозом системы Кузнец-Кирнера.

СОВЕТСКИЙ ВЕСТИНГАУЗ

ЖУТКАЯ это была дулья. В секунданты было погланено все то лучше, что мог дать СССР в инженерно-техническом мире: технические руководители НКПС, начальники

Ф. Л. Кузанцев

железных дорог и видные русские инженеры со всеми известными именами. Время дуэли—22 октября 1925 г., а место—перегон Охрелье—Кашира, Рязанско-Уральской железной дороги.

Но самым интересным, конечно, были промышленные приборы

С обеих сторон—худенький старик, измученный двадцатилетней работой на паровозе и физическим трудом с 12 лет. И ничего больше.

Испытание началось с германского тормоза. И, как следовало ожидать, дало хорошие результаты. Гравда, в некоторых случаях чувствовалась кое-какая задержка времени, но тормоза, конечно, и притом не в общем впечатлении получились вполне удовлетворительные.

Это никак не удавило, потому что тормоз Кузнец-Кирнера уже имел за собой несколько лет массовы опыта на германских и шведских железных дорогах и поэтому изъять было ожидать, что на русских железных дорогах он окажется хуже, чем на немецких.

Вслед за этим стали испытывать русский тормоз Кузнецова. Изобретатель волновался. За практическое выполнение своего тормоза он был не уверен, быть может, благодаря спасности в его работе, благодаря сквернице времени, благодаря тому, что как-нибудь привлечь публику к нему, чтобы его тормоза привлекли. А с ним вместе проходит и вся его долголетия работы, все его труды и старания.

Наступил самый отваженный момент. Поехал, длиною в одну версту, на 11-тысячном уклоне надо было быстро затормозить, и Ф. П. Кузанцев смело взялся за ручку своего тормоза.

Поехал без единого толчки, без рывков, плавно и затормозился. Он спустился каждого малейшего движения Кузнецова, который до пунктуальной точности регулировал скорость этого громадного груженого состава, являясь к его абсолютному хозяином.

Комиссия признала, что победа осталась за русским машинистом, краинским инженером, талантливым изобретателем верх на базовой и блестящей техникой заграницы. Русский тормоз оказался лучшим в мире, и скоро популярное имя и тормозном деле—«Вестингауз»—уступит место более громкому имени—«Кузанцев».

НЕОЖИДАННАЯ ПОБЕДА

Но, быть может, Ф. П. Кузанцев—единственный русский техник, которому удалось не только срвать, но и перепрыгнуть через голову заграницной техники в громадном деле, и имеющий мировое значение?

Попробуем продолжить наши признания и возьмем для следующего сравнения автомобильное дело.

Существует общепризнанное мнение о том, что в этом отношении мы совершили блескующий перед заграницей. Действительно, да вина единственный завод, работавший в этой области, был «Русско-Балтийский». Но и он большинство отреставрированных частей машин выписывал из-за границы, производя у себя лишь сборку их.

Правда, в 1916 году начались постройка

4 завода (АМО, Русский Рено, Дубровицкого), но в момент образования Советской власти, т.е. к концу 1917 года, лишь один из АМО был закончен постройкой на 80%, а остальные на 50%. Остальные же имели за вчерашними зданиями своих корпусов расположены изначальной частью обороны, 1

В условиях блокады и гражданской войны об их достроике нельзя было и думать, ибо в 1921 году начались кое-какие работы в АМО, причем все заводы были национализированы лишь для ремонта автомобилей, только АМО присоединил к новому автострою в 1923 г.

При таком положении дела, как можно было думать из только из концепции, но даже и практике спрятать свои машины с гигантами Форд, Мерседес, Фиат и пр.

Совершенно не расчленяя на нашу машину организовали всесоюзный автомобильный пробег, чтобы выбрать из блестящих зарубежных машин наилучшую находящуюся в нашей стране. Уже тогда на железнодорожную из страны краинцев нашел советский флаг. Где ему?

Кончился пробег легковых машин, начав соревнование грузовиков. По настоению различных и инженеров АМО из ряда со всеми известными фирмами был пущен в пробег изобретенный грузовик советского производства.

Было много сомнений, много тревог и страха: а что как они еще оскальдятся?

Результаты пробега произошли не, и не могли даже надеяться самые ярые оппоненты из АМО, сопровождаемые скрипучими членами комиссии пробега, вышел вперед и победителем. Он оказался лучшим из всех заграниценных машин.

Завод АМО получил заслуженную премию.

ЗАВОДУ «АМО»

Всесоюзный автомобильный пробег грузовых машин показал, что машины советского производства оказались наилучшими. Это показывает, что наша машина авторомобильностью оказалась в высоком положении, и первая всплеск в этом направлении пioniер советской автомобилизации—заводу «АМО».

Московский Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков) приветствует работы и администрацию завода «АМО» и поздравляет всех творческих, работающих на заводе с их достижениями и победой в строительстве нашей социалистической промышленности—заводу «АМО».

С коммунистическим приветом секретарь МК В. Капитонов

ВТОРОЕ МЕСТО В МИРЕ

ПОЖАЛУЙ, еще более ярко для большинства из нас произошло признание мировой промышленностью нашей молодой советской промышленности.

Какой тщесущий казалась она всем. Да и мудрено: не имела ее раньше, как могли мы создать ее в годы революции, в годы жестокой блокады и изолированности?

¹ Русско-Балтийский завод, находившийся в Риге, был передан Латвией.

Грузовик завода «АМО»

Кое-что делалось, но это «кое-что» казалось таким жалким, по сравнению с изгудрившимся ростом мировой авиации.

Мы были погрязшему скромны — о развитии советской авиации так мало и так сдержанно говорилось в печати.

И вдруг — неожиданность — блескший перед Москвой — Пекином перелет через Сибирскую степь, через моровую пустыню Гоби. Он прошел беспрепятственно, он показал глыбку наших легких и выносливости наших моторов. Советская авиация ступала, в первые ряды мировой авиации и пробила первую брешь. Оней с удивлением и уважением загорелись за границей.

Вслед за нами по протяженной извилине сибирской дорожки полетели иностранные самолеты — французы, немцы... И в практике появился то, что члены парламента советских легких и выносливости наших моторов, но такого пропагандистского духа для или для испытаний заподозрили и поглотили.

Результат этих переделок, этот выезды самолетов машин и летчиков за границу заставили признать их блестящие качества даже закоренелых наших врагов. Наши успехи дали нам возможность занять второе место по дальности перелетам в мировой авиации. Второе — после французов.

ПОБЕДА Т. КЛАССОНА

ПОДДЕМ дальше. Наш СССР исключительно богат торфом. Он занимает в нашем Сибири 135 миллиардов гектаров, в то время, как площадь торфянного гектара мира без СССР — только 361²/3 гектара.

Торф является нашим мощным топливным резервом. Поэтому вопрос о способах его приобретения колоссальную важность.

До последнего времени его добывали вручную на границе — производство машинно-формовочных машин не было. Естественно, тем же способом аэроботы должны были сведены на роль юношеских животных и должны были быть в жидким и грязным карьерах копать торф и рукачи выбрасывать мешающие гадости пни и корни.

Много того. Благодаря все той же ручной работой карьеры иногда значительная часть приводного слова оканчивалась непереводимы: вынимали торф не глубже 1½ саж., в то время, кактолщина торфяного слоя доходила до 10—12 саж.

Наконец, проходила гадость работы этим способом не превышала 3½ месяцев в год.

Ясно, что этот способ был далек от идеала и требовал замены чем-то более совершенным. Напомним, необходимость коренной революции в области торфяного дела.

Вместо этого резюлючи, ее вдохновителем и неутомимым проводником в жизнь является великий ник. Классон. У него были доказательства, что торф можно добывать и не подрывая гравийных и песчаных участков с горючими слоями. Но все же заморозил наяя практика аэроботы, разработавшие торф. Классон и его помощники лоббились своего: они разработали и практически осуществили новый способ добывания торфа — «гидроторф».

Следы работы упалились, втоможный торф добывали с 1½ месяца в год до 7-ми, появилась возможность разработать любой толщины торфяного слоя, качество добываемого торфа здорово улучшилось. Гидроторф стал завоевывать один раз за другой.

Затем, конечно, достойно оцинила известье об изобретении, положение запросы, просьбы, разъяснения.

А затем лучшие знания торфяного дела СССР приехали к нам учиться у советских инженеров т. Гриффикинс.

Подобных примеров можно было бы привести очень много. Ведь мы не говорили о заключении контракта.

¹ О работе тов. Классона и гидроторф см. подробно в книге П. Лопатина: «Солнце и машина». Изд-во «Молодая Гвардия», 1923 года, стр. 118. Ц. 50.

вающимся Волховстроем, о Шатурке, построенной на болоте по последнему слову техники, о Кизеловской станции из Северного Урала; о многих работах областей агрономии, о трудах наших научных институтов и т. д., и т. д.

МАССЫ ТВОРЯТ

То, о чём была речь, — только самое прикосновенное, самое основное, то, что уже окончательно признано, претворено в жизнь и приобрело громадное государственное значение.

Но кроме этого, имеются еще тысячи более мелких изобретений и усовершенствований, которые подтверждают тем самым обильную вея отраслей народного хозяйства.

И неиздательство, революция привнесла к управлению промышленностью новых хозяев — самих рабочих. Революция дала возможность рабочей массе обращаться в творческой технической работе и самому широкому изобретательству.

Производственные совещания на наших предприятиях дают целый ряд усовершенствований, авторами которых являются сами рабочие. Пусть большинство из этих изобретений выходит мелким и мало интересным для широкой массы, они все же бесконечно важны для производства.

Об этих «смехотках» можно говорить очень долго:

1. Старый литеив мастер Московско-Курской железной дороги — А. П. Петров, придумал новый способ чугунного литья из чугунного лома, благодаря которому даже на неважном топливе и недоброкачественном материале приготовляется прекрасное литье, годное для самых ответственных чугунных отливок. Этот способ дает возможность широко использовать те массы старого чугунного лома, которым так богаты наши хозяйства, которые покуда не находили себе практического применения.

2. Слесарь К. Симонов для очисти, удобной и экономичной системы «механических санок», которую заменила теперь на некоторых рудниках Донбасса каторжный труд «саночников» и «тягальщиков».

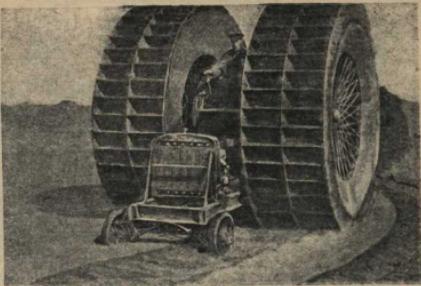
3. Техник самоучка И. С. Громов запатентовал новый тип культиватора, специально при спроектированному им, для работы на пашнях, изобилующих сорными травами. Опыты с ним показали повышение урожайности хлебных культур на одной и той же пашне до 20—30%.

4. Техник Бондицкого химического завода П. Н. Смирнов изобрел экономичный и оригинальный способ использования отбросов латуни, из которых он получает хлористый цинк и цементную медь — дорогие и нужные материалы.

5. Слесарь К. Феофанов разработал интересное приспособление для подъема аэроплана без разбега. Испытанный на практике, он показал полную возможность подъема с топлив и песчаных участков, что имеет громадное значение для СССР, будущего хорошо оборудованными аэропланами.

6. Техник И. Ф. Пономарев изобрел простой способ очистки мантилии из смолистой смолы, допускающий его применение на месте сажой добывшей сырья, что раньше было совершенно невозможно. Изобретение имеет громадное значение для работы кустарных артелей.

Этот перечень можно продолжать бесконечно долго.

Автомобиль формующий торф, изобретение Классона

Упорным и неустанным трудом наших учеников, техников, мастеров, а раньше всего и прежде всего — самих рабочих, мы верно и незамедлительно строим социалистическое хозяйство, удаляем производство, расширяем и улучшаем его. Наша техническая бедность и отсталость будут побеждены!

ПОТОМКАМ

Нас похоронят всех веков крутые своды, Засыпят навсегда времен холодный звон, Но не осудят нас карающие годы, Ни юноши брячущих племен, Ни девушки ожестоженных времен.

За то, что мы смогли сберечь янтарь свободы И пронести сквозь плач и пенье непогоды

И в руки передать им жар своих знамен. Поймите ль вы, кудрявые, когда Расскажут вам про слезы и про муки, Для наших жуткие, железные годы,

Протянут ли вы взлонвленные руки К могилам нашим, стертым без слез, И вспомните ли вы от счастья или от скучи,

Как нас любовь всегда влекла к разлуке, И в бой кидала дружку и вражду.

Пройдет год и жар в крови остынет, Развеют навсегда наш смытый праж,

Но знаем мы: нас внуки не забудут, На наших желтых тлеющих костях

Цвести сады рябиновые будут, И, может быть, мы сквозь тяжелый сон

Услышим звон рядающихся времен

На тризне наших славных похорон. Нет, не осудят нас карающие годы, Ни юноши брячущих племен,

Ни девушки ожестоженных времен.

За то, что мы смогли сберечь янтарь свободы И пронести сквозь плач и пенье непогоды

И в руки передать им жар своих знамен.

§ Джек АЛТАУЗЕН

Советские самолеты «Красный Камовльщик» и «Правда», совершившие перелет Москва—Пекин. В центре участники перелета

РАЗВЛЕЧЕНИЯ У НИХ

1) СПОРТ ДЛЯ ДИВИНГЛЕЙ «СИЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ»
Европа бешится в поисках развлечений для пресмыкающихся зрителей: снимки изображают, ВЕРХНИЙ: жонглирование мальчиком на краю многоэтажного дома, НИЖНИЙ: окробатика для пассажиров верхней палубы океанского парохода

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты такой — так учит нас очень старая и очень верная пословица. Но этой пословице можно было бы присоединить другую, если и не совсем старую, то тоже очень верную:

— Скажи мне как ты развлекаешься, и я скажу, кто ты такой.

Тот, кто хочет познать народжающуюся ныне на шестой части света новую культуру, тот, кто хочет сравнить эту культуру с четко выраженным в ней социалистическим характером со старой умирающей культурой, должен, конечно же, не забыть обсудить этот вопрос: как развлекаются широкие народные массы у нас и в капиталистических странах. Ибо потребность, развлечения — это очень острые, весьма конкретные социальные потребности, и на службу этой потребности привлекаются целые армии людей (известно, что в одиночку Нью-Йорк ежевечерно десятки тысяч людей выполняют разнообразнейшие функции, связанные с работой развлечения широких масс) на удовлетворение этой потребности затрачиваются громадные суммы денег...

Самые формы развлечения по внешности одинаковы, — и на капиталистическом западе, и у нас. И тути и там пропагандистские радиостанции, кино, музыка, театр на спортивных площадках, слушая, радио совершают массовые прогулки. Но «лучшее, различно существующее, внутренний смысл этих одинаковых по форме развлечений, и в этом различия глубоко зацепляется различие общественного строя, различная мораль, различная духовная культура.

Странным для нас должно показаться, как много места отводится в процессе развлечений в капиталистических странах — «доломую вопросу». Этот вопрос очень много места занимает и в нашем быту духовном, но в каком смысле? Он не служит для целей развлечения, мы относимся к нему весьма серьезно и обсуждаем в наших газетах, — выходит даже специальным беседовщиком диспутом: частично и горячо пытается наша молодежь, нащупывая пути разрешения его, таким путем — чтобы не страдали ни мужчины, ни женщины... Часть ошибаемся мы, предельно, быть может, слишком рискованные опыты, попадаем в логические и бытовые тупики... Но непременно это все связано с процессом исканий, и во всяком случае никто не помышляет

у нас об эксплуатации полового вопроса, различных сторон его для каких-то посторонних целей.

А на Западе?

Совершенно иная открывается перед нами картина.

В духовных центрах Запада, на улицах Берлина, Парижа, Лондона, Нью-Йорка вы не найдете афиши, извещающих вас о диспуте на тему полового вопроса... Помимо — раньше всего эти темы — темы единобрачия и многобрачия, уж не говоря о во просах, касающихся зачатия, абортов — считаются неприличными — во всяком случае неприличными для широких масс, если они и обсуждаются — в узких кругах специалистов. Да и самые слова — в роли

«аборт», «проституция» — считаются неприличными, над ними висит тяжелый покров «половой тайны». Но помимо того, эти вопросы считаются и интересными, или интересными только с точки зрения общественного скандала. И это отношение к половому вопросу называется «охраной общественной нравственности».

Но то же время, что является идеальным содержанием, не имеющим аналогий в других капиталистических странах и театрах, разбросанных и в аристократических, и в буржуазных, и в рабочих районах столицы Запада? Такие «половой вопрос» — но в совершенно особом каком-то представлении!... А именно, посредством демонстрации!... голоножки.

Репертуар этих театров состоит не из драм, комедий, опер. Только там называемые ревю-обозрения показываются наземь. И бесцельной задачкой было бы искать какую-либо выдумку, какой-либо сюжет, вообще содержание в этих ревю.

Весь их смысл, во-первых, в широкой постановке, во всяких сценических фокусах, но, главным образом, в показе наибольшего количества красавиц, девушки, юноши, сопровождаемые клоунами. Чем больше девушек, чем больше голых ног на сцене, тем лучше считается ревю. Но что же делают эти девушки на сцене? Почти ничего. Дрыгают ногами, имитируют танцы, и поют бесмысленные куплеты со скабрезными намеками. Конечно, получают эти девушки иниценную плату, но зато может каждая из них рассчитывать на «продвижение» по общественной лестнице — найти среди зрителей выгодного клиента.

Голоножки вообще являются античным фактором духовной жизни Запада. Там устраивают конкурсы по лучшей избы-чтальни, но очень часто зато конкурсы красавиц женских ног. Эти конкурсы устраивают какая-либо газета, или театр, обставляются они с большой роскошью, в качестве жюри привлекаются самые широкие «слои зрителей» — представители всех общественных классов, в большинстве случаев мелкой буржуазии... Вместо диспутов о социальном зна-

чении брака организуются диспуты с трехкратной демонстрацией красослов женских ног. А иногда о фасоне женских панталон поддается, что какая-либо очень густая выставка женских ног, или женской бытии привлекает внимание поборников «общественной нравственности».

Выставка запрещается, возникает сексуальный процесс, который служит, в конечном счете, рекламой для данного театра...

Но почему занимается «голоножки» — во всяких видах и формах — такое видное место в развлечениях гражданина капиталистической страны? Старый закон: гони природу в дверь, она войдет в окно... Именно, благодаря общественному цемерию, которое проповедуется христианской религией, которое является общественным нормативом капиталистического строя, благодаря откровенному обсуждению половых проблем, массовый обычай стремится связать потребность в развлечении — в кино, в театре, с существованием буржуазной морали, заменяющей откровенное обсуждение половых проблем. Сознательный обычай стремится связать потребность в развлечении — в кино, в театре, с желанием наслаждаться «запретным плодом» — созерцанием головы женской ноги. Совсем естественно, что вопросы пола играют грандиозную роль в психике каждого человека, и где невозможно открытое, общество суждение, — там возникает «тайны пола», и в результате ее — тяга к голоножкам.

А скажи нашему комсомолцу — люби головия в театре, люби головию на предмет наслаждения головами, — он — популярный, и не знаю, в чем ему и в голову не придет, что эти две ноги могут служить чем-то в роли эстетических приманок для зрителя. А если он уж обожает любить, то может насторожиться на них в самом количестве на спортивной площадке. В Западе и это невозможно: в большинстве спортивных и женских спортивных организаций там отсутствует развлечения, за исключением особо торжественных случаев, — какая-либо олимпиада, — там результат.

Но не этим только отличается спорт, массовое развлечение на Западе от спорта нас...

Заметьте раньше всего, что спорт на Западе мало доступен рабочей молодежи. И там

2) СЦЕНА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ МИНИ-ЮР: зритель наслаждается армией наливших женщина

И У Н А С

ступают, конечно, рабочие спортивные организации, но они сравнительно малочисленны, и играют роль пасынков по сравнению с буржуазными организациями. В капиталистических странах организационные ячейками спорта во всех его видах являются клубы. Спортивный клуб, это что в большинстве случаев буржуазные клубы, участие в которых недоступно не только рабочему, но и мелкому буржуа: спорт превращается, таким образом, в развлечение для немогих. И это положение усиливается еще тем обстоятельством, что спорт в буржуазных странах в значительной степени находится в руках профессионалов. Заслуженные профессионылы обращают спорт из развлечения в своеобразную отрасль промышленности. Сознание профессионалов во всех видах спорта происходит достаточно часто, но в виду высокой ходовой платы, лишь очень небольшие круги любителей спорта могут быть зрителями этих состязаний...

И затем еще один момент: на Западе спорт израривлен с денежным азартом. Ни одно состязание — будь то футбол, лаун-теннис, гребля, легкая атлетика, бега или бокс не проходит без активного участия тоталитаристов.

А там, где вступает в дело денежный азарт, жажде легкой наживы... — там уж, конечно, нет места спорту ради спорта, это и развлечением является, таким образом, в корне отравленным.

И, наконец, в буржуазных странах особо культивируются такие виды спорта, каким рассчитаны на самые низменные, жестокие инстинкты. Это относится к боксу, так распространенному в Англии и Америке, а после войны — и во Франции... Чем привлекает бокс для западных зрителей? Отнюдь не эстетической своей стороной, которая, кстати сказать, — не так уж значительна в искусстве бокса. Раньше всего, громаднейший интерес к боксу играет денежный азарт с ним связанный. Состязание сконцентрировано вокруг боксерской пары, в которых участвуют самые широкие слои населения. Но, кроме того, притягательная сила бокса тесно связана с хищными инстинктами. Нужно присутствовать на боксе, нужно видеть эти жадные глаза, эти широко раздувавшиеся ноздри, сладострастные вздыхающие захвата, нужно слышать эти голоса, рычащие — забей его! — быть свидетелем недовольства, которое охватывает зрителей залу, когда «мало крови», когда недостаточно жестоких ударов, когда держатся на ногах оба противника, чтобы понять, какие эмоции вызывает бокс...

И еще одно: еще больше, чем другие виды спорта, служит бокс для развлечения самого изменившегося, самого пошлого духа национализма. Когда несколько лет тому назад вызвал один знаменитый французский боксер мирового чемпиона, американского боксера, на состязание на чемпионат мира, — словно сошла с ума «эта Франция», т. е. главным образом мелкая буржуазия, были забыты все важнейшие экономические и политические проблемы, отошли на задний план, забыты даже некоторые в темных уголках души перед состязанием имя французского боксера не склонило со страниц газеты, и стал национальным героям, «представителем» Франции перед всем миром, а те, кто осмеливались сомневаться в его победе, немедленно искалились в изменинике отечеству.

И когда был разбит французский чемпион — это нечастое случалось — на французской почве, то горевали в полном смысле слова. Пришлось напечатать туже буржуазной прессе, пришлось печатать статьи, в которых говорилось, что Франция не погибла еще, что она, несмотря на поражение чемпиона ее, все же осталась «великойацией», давшей миру генции в области искусства, науки, и что тот факт, что у американца оказались кулаки сильней, чем у француза, еще не упичастил французского национального достоинства...

Совершенно естественным, не подлежащим никаким сомнениям, является для нас тот факт, что развлечения должно быть израривлено связью с обогащением в области духовной культуры. Этим принципом проникнута культурно-просветительская работа в наших клубах: наша

УТОЧЕНННАЯ НАГОТА НА СЦЕНЕ. Сольное выступление звезды голоножек во французском театре миниатюр

молодежь, развлекаясь, одновременно накапливает запас новых знаний, обогащает себя интеллигентными эстетическими эмоциями... Правда, нередко эти эмоции — палку передко злоупотребляют учебой за счет развлечения, нередко подменяют эстетически-ценное развлечением официальной, надеющейся агиткой. Но если из области практических недочетов, это не более, как болезни роста. А самый принцип использования развлечения для поднятия культурного уровня остается неизменным.

Этот принцип совершенно чуда технике и практике развлечения на Западе. Там не приходится говорить о культурно-просветительской работе в клубах по той простой причине, что там вообще нет клубов в нашем смысле слова, как постоянных ячеек, вокруг которых группируются трудящиеся. Тамошние клубы или высо-ко аристократические, весьма замкнутые учреждения, имеющие целью предоставить своим членам максимальный комфорт за очень дорогую плату (английские клубы), или своеобразные «профессионалы буржуазии», являющиеся обединением деятелей различных отраслей торговли и промышленности и играющие передко боевую роль буржуазных штабов (американские клубы). А для широких трудовых слоев существуют

лишь клубы —танцульки, обычные предпринимательские учреждения, где за небольшую плату могут проводиться свои досуги работников и рабочих из «пролетариата элитарного», — танцы, фокусы. Кой-где в Европе (о Бельгии и Франции, главным образом) существуют «рабочие дворцы». Там трудащиеся могут присутствовать на лекциях, концертах и т. д. Но там отсутствует принцип самодеятельности развлекающихся, там не встречаются обединений по методу кружковой работы, если не говорить о спортивных и певческих кружках. В Германии же единственными ячейками массового развлечения, помимо танцульек и кино, служат пивные локалы, где работники уединяются иногда за кружкой пива провести митинг.

У нас развлечения — могучий фактор общественного развития, социальной связи, духовного роста, у них развлечения идет либо по линии удовлетворения самых прimitивных страсти (кино, театр, спорт), либо служит методом приобщения, заглушения общественного инстинкта — (танцульки, алкоголь). Конечно, это не относится к развлечениям рабочего класса, достаточно утонченным и многообразным, — таковы доступны лишь единицам. В итоге — Запад колоссально превосходит нас самой техникой развлечения, но наша культура развлечения значительно выше по типу своему и качеству.

Бокс — любимейшее зрелище в Европе, денежные ставки на победителя создают бешеный азарт «истрач». На снимке недавно намунированное выступление женщины

В следующем №
„СМЕНА“
будет помещен
ответ
т. С. Смирнович
на письмо
комсомолок
(№№ 12, 15, 16)

ИЗ КОМСОМОЛЬСКОГО ПРОШЛОГО

И. ИППОЛИТ

Члены приморского областного комитета РКСМ: т. т. Пчелкин, Антонов и Ипполит.

Каждому старому активисту есть что вспомнить и рассказать за свою семи-восьмилетнюю комсомольскую жизнь.

Здесь мы расскажем о комсомольской работе на берегах Тихого океана, когда они еще не были советскими.

В 1920 году, после разгрома Колчака, Советская Россия ощущалась лицом к лицу с международными хунтами (из них первая Япония), оккупировавшими Дальний Восток. По политическим соображениям из областей занятых Красной армией, было создано новое государство—крайне демократического режима—Дальне-Восточная Республика, охватывавшая губернии: Приморскую, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Приморскую, Камчатку и Сахалин. Новорожденное государство должно было служить буфером между Советской Россией и капиталистической Японией.

В Республике существовала неограниченная свобода слова, печати, собраний, торговли и т. д. Управлялись она парламентом, избранным на основе четырехъюхости (всебюдного, прямого, равного и тайного избирательного права). Большинство (80%) в парламенте—так называемом Народном Собрании—принадлежало коммунистам, в них же составлялись правительства. Первое из них было создано из большевиков; кроме коммунистов в него входили члены меньшевиков: все время подчищали, конкретничали с белогвардейцами и скромонетировали себя даже ДВР настолько, что сотрудничество с ними оказалось невозможным. ДВР имела свой государственный флаг: красное полотнище с синей западиной в верхнем правом углу. Это необычайные замечания.

Столица ДВР была Чита,—глухой и гусиный городища, лежащий в сопках, как монета в кулаке.

Краевой комитет комсомола помешался в двухэтажном бревенчатом домике на углу Софийской и Сунгарийской улиц, принадлежавшем некому Комаровскому. Советские комсомольцы никого не могли устроить такого обстоятельства, и ЦК устроил адресную телеграмму в Петербург: угол Софийской и Сунгарийской, дом Комаровского.

То, что Софийскую улицу назвали в Советскую, домохозяин еще терпел, но «дом Комаровского» выволок его из себя. Деньги ему, обычно, забывали платить. Прождав со скандалами месяца два-три, он не выдержал и подавал в суд. В суде дело лежало полгода, затем кассациями и апелляциями затягивалось еще на столько же. В Народном собрании правительству делались запросы о нарушении комсомольцами права частной собственности.

Эта сказочка про белого бычка тянулась годы, и разрешила ее только переезд Крайкома из Читы в Хабаровск.

Из всего Крайкома в Чите в то время сидел один Поздняков—бывший председатель Морского комитета и будущий постыдный секретарь Дальбюро ЦК РКСМ—юноша угрюмый

и неразговорчивый, как письменный стол, за которым он постоянно сидел.

Самым болезненным вопросом Дальнего Востока была тогда Приморская область, захваченная при поддержке японцев белогвардейцами в голове с Меркуловым. На третий по приездом в нашу область в Читу с Дальбюро ЦК РКСМ была сформирована тройка—Приморский областной комитет РКСМ—в составе членов Дальбюро РКСМ Антонова (б. секретаря г. Пензенского Губкома), Пчелкина (секретаря Приморского Областного РКСМ, коренного приморца) и пишущего эти строки. В момент назначения все мы были в разных местах: А н т о н о в — в Благовещенске, Пчелкин—в Чите. После долгих разговоров по прямому проводу было условлено встретиться в Хабаровске, где мы и собрались в середине апреля 1922 г.

В Чите. После долгих разговоров по прямому проводу было условлено встретиться в Хабаровске, где мы и собрались в середине апреля 1922 г. В момент назначения все мы были в разных местах: А н т о н о в — в Хабаровске, я в Чите. После долгих разговоров по прямому проводу было условлено встретиться в Хабаровске, где мы и собрались в середине апреля 1922 г.

Путь в Хабаровск и из Хабаровска в урочище Аничино—столицу партизанских отрядов Приморья—долг и утомителен. Описание его заняло бы не один десяток страниц, и мы его отложим до другого времени.

В Приморье мы застали следующую обстановку: город Владивосток, линии железной дороги и узкая полоса, прилегающая к нему, была в руках белых, целиком опиравшихся на японские войска. Во всей остальной области царило почти полное беззастояние. В Аничине находился областной Ревком, пытающийся наладить управление в свободных от белых местах. Однако, по нему бродили отряды белогвардейцев и японцев, часто отбрасывавших партизанские отряды в глубь области, и линия фронта была очень подвижна.

Комсомольская организация фактически не существовала. Часть сидела в тюрьме, разгромленная при белогвардейском перевороте, другая вилась в партизанские отряды и не могла заниматься комсомольской работой, а из остатков организаций Областное бюро партии создало при себе «отдел для работы среди молодежи», на подобие женотдела.

В городах сохранилось небольшое комсомольское ядро, ведущее подсобную работу в партийном подполье—расклейки, связи и т. п.

В областях были распространены отдельные комсомольцы, но комсомольской организации, как таковой, не существовало.

Интересно отметить, что японцы придавали большое значение организации молодежи и приводили ее прикрыть к рукам.

Так, например, в селе Ново-Некрасово молодежь явилась... Школу, где был клуб, превратили в казарму, а помощником РКСМ арестовали и изменили прикладами.

Варруг—тогда японцы могут выкладывать такие штуки—объявил, что устроит для молодежи.. банкет.

Приготовились. Напекли, нажарили. Устроили разделение, но молодежь, конечно, на банкете не пошла.

Интересантен пришлося самим жертвам «утопления» и смотреть «развлечения».

А после такого «банкета» японцы опять приились за аресты и избиение. Молодежь разводила руками: что же это такое—сперва бьют, потом для избитых устраивают банкеты, потом опять арестовывают и бьют.

Называется это «японской культурой».

Когда мы собирались проводить Пчелкина на подпольную работу, перед нами всплыл вопрос о связи. Наш прекрасный возраст—встрече-

нам было 50 лет—не позволял мириться с новыми мерами конспирации, и мы решили пропросить использовать исключительно шифровкой. Впрос о шифре не поставил нас в тупик. Мы начали вспоминать для первого опыта шифр «решеткой». Для неискущенного взгляда этот термин можно разъяснить.

Берется какое-нибудь слово, не больше 10 букв, и пишется сверху вниз. Затем каждая буква ведется в заблужденном порядке соответствующему числу знаков, колонки простируются, и шифр готов.

При таком шифре слово революция выглядит так: 113462148361172876.

Конечно, этот шифр самый детский, изоморфный и неудобный. Вскоре мы от него отказались и перешли на общепринятый. Тот представлял громадные удобства уже потому, что был словесным, т. е. под каждым знаком скрывалась не буква, а слог, и таких слогов в нашем распоряжении было 100 (от 0 до 99).

Снабдив Пчелкина шифром, советами и пристрастиями, мы вручили ему 3 золотых (15 рублей), напечатанный на шелку и отправили восстанавливать легальную организацию комсомола во Владивостоке.

Через неделю мы получили от Пчелкина письмо, где он подправлял нас с благородием своим прибытием во Владивосток. А еще через месяц, обеялся с партийными поручениями легальной полосы, приехал во Владивосток.

Во Владивостокской организации находилось тогда около 40—50 человек. Город был занят на районы, во главе которых стояли «райкомы», руководящие «райкомовыми», т. е. распределением патовых извозчиков птичьей птицефабрики района. Комсомольская работа шла под двухрукое: помощь партии—во-первых, и саморазвитие—во-вторых.

Партия наша организация оказывала помощь в мелких, но неоенимых услугах. Работа по санаториям с партизанскими отрядами, распространение легальной газеты «Красное Знамя», распространение «плакатов», т. е. расклеивание патовых извозчиков извозчиков района. Комсомольская работа шла под двухрукое: помощь партии спрашивалась с честью, результатом рана росла и поднималась, как вдруг наступало время.

25 июля акции организации собрались прощаться с покойным товарищем Асеем Пономаревым в обетованной Советской Чите. Тело Пономарева лежало в дружеской и теплой преграде из патовых извозчиков. Не прошло, однако, и двух часов, как сюда их неожиданно привез спорщиком контра-разведки III корпуса, и прятал вместе с Асеем, пришел вскоре встретить из журной камере охранки.

Прорвал был громаден и ужасен. Села вся комсомольская организация во главе с Пчелкиным.

Белые газеты писали по этому случаю, что «члены районно-охранного отделения были открыто нелегально функционирующими обществом коммунистических молодых людей (?)». Их привлекалось злобное наименование «произведения кровью» (!) переворот и только своеобразием арест разрушил их коварные планы.

Конечно, весь этот вздор был продуктом охранки же для обработки общественного мнения. Вскоре выяснилась и причине прорыва. В рядах организации был обнаружен проходимец Сергея Немцева, охраняя клиническую извозку, гимнаст, спорщиком, а согражданским был патрульный. Патрульный комитет впервые запретил нам рассчитываться своими силами с извозчиками и он благополучно эвакуировался из Читы в Корею вместе с остатками христианского воинства.

Находясь в городе по партийным делам я был достаточно закончен и поэтому прорвалась не за меня. Собрал уцелевших ребят, мы перестроились, как говорится, на ходу и уже через две недели оклеяли столбы, заборы и скамьи возвышенностями.

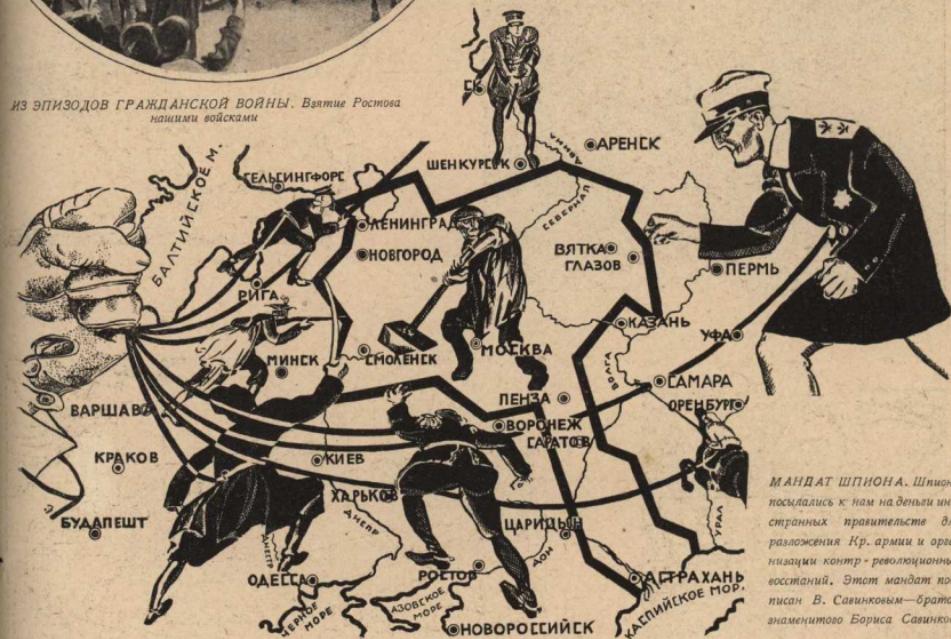
25 октября 1922 года в город вошел главный отряд славной Пятой Краснознаменной армии.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

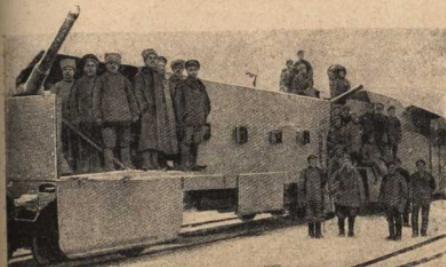
из ЭПИЗОДОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. Взятие Ростова
нашими войсками

Карта изображает предельные пункты, до которых докатывались белые армии в самые острые моменты гражданской войны. На Волге—Казань. На Юге—Орел, Воронеж. На Западе—Минск и Киев. Ленинград в огне непосредственной опасности.

МАНДАТ ШПИОНА. Шпионы посыпались к нам на деньги иностранных правительств для разложения Красной армии и организации контр-революционных восстаний. Этот мандат подписан В. Савинковым—братьем знаменитого Бориса Савинкова

НАШ БРОНЕПОВЗД. Геройские бронепоезда имели "большое" значение в нашей вооруженной борьбе. Не малым "победам" мы обязаны бронеотрядам, которые составляли, главным образом, рабоче-металлисты и матросы

(ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА ДЕНИ 18-30 гг.)

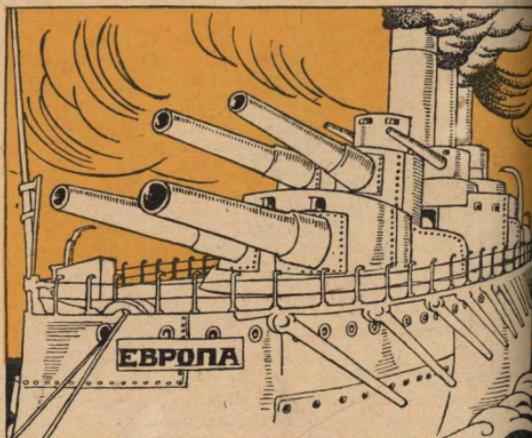
1

3

2

4

На этой странице, дорогой читатель, вы видите то, что принято называть лицом капитала.

Правда, на первом рисунке вы лица еще не видите полностью, но можете поверить на слово, что в такие моменты лицо капитала добродушием и красотой не отличается.

На рисунке № 2 показано то лицо капитала, которое чаще всего повернуто в сторону СССР. Проникнитесь, товари-

щи, уважением к долготерпению нашего Наркоминдела, которому больше чем нам с вами приходиться лицезреть это, выражаясь языком дипломатическим, лицо.

На рисунке № 3 изображены расточительным художником сразу два лица капитала. Одно, пренесленное всяких благородных чувств, служит для выполнения различных деликатных операций (конференция Лиги Наций, торжественное обещание разоружиться, нота с выражением добрых чувств к соседней нации).

Другое лицо служит для внутреннего употребления, оно, так сказать, домашнее лицо капитала. А раз домашнее, значит, и более естественное.

Наконец, на рис. 4 вы видите поддельное лицо капитала, которое существует, несмотря на водопад речей о разоружении. Вы скажите, что на этом лицо подозрительная щетина. Что ж, не всегда даже бритт бывает бритым. Надо, однако, надеяться, что наступят времена и найдутся хорошие парикмахеры. Отберем!